ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 34-й
№ 68 (4501)

Суббота, 9 июня 1962 г.

Цена 4 коп.

От Волги до Невы

Эстонские писатели в Ленинграде

ВЧЕРА в Ленинград с берегов Волги прибыла группа эстонских писателей, участников поездки по городам Российской Федерации.

— Каковы ваши впечатления о днях эстонской литературы в РСФСР, о встречах в Москве и Волгограде? — с таким вопросом корреспондент «Литературной газеты» обратился к гостям России.

Юхан СМУУЛ: Впечатления самые светлые. И в Москве, и в Волгограде нас принимали очень тепло. Мне, как автору, особенно запомнилась конференция по «Ледовой книге», организованная московской библиотекой имени Н. А. Некрасова. На ней выступили не только читатели, но и герои книги—Константин Васюков, Виктор Ведешин. Многие из присутствующих интересовались, над чем работаю я сейчас. Узнав, что я пишу книгу «Японское море», они пожелали мне сделать ее интересно и поскорее закончить. В Москве состоялись встречи в редакции журнала «Дружба народов» и в секретариате Союза писателей СССР. Это был деловой разговор о дальнейшем развитии творческих связей между Эстонией и Россией, об издании книг, об организации взаимных переводов. В Москве я встретился со своим переводчиком Леоном Тоомом. После этого мы всюду ездили вместе. Впечатления о Волгограде? Впервые я был там в 1947 году. Много было искалеченных и полуразрушенных зданий. Сейчас город точно заново родился. Это большая, грандиозная стройка. Отделение писателей в Волгограде еще очень молодое, но талантливых людей много.

Дебора ВААРАНДИ: Начну с последних впечатлений. В Волгограде я побывала впервые. Признаться, не ожидала, что город настолько красив. Всюду нас встречали как самых близких друзей. И всюду мы были вместе с волгоградцами — товарищами по литературной работе. Меня очень тронуло приветствие детей-пионеров на вечере в Волжском дворце культуры. Запомнилась поездка на речном катере по Волге и Волго-Донскому каналу, которую мы совершили вместе с волгоградскими и московскими писателями. Очень взволновало всех нас посещение Мамаева кургана, земля которого священна не только для волгоградцев, но и для всех советских людей.

Уно ЛАХТ: Все наши дни были заполнены до предела. Мои товарищи и я встречались с читателями, выступали, ездили. Большое впечатление произвел на меня Волгоград — проспекты, цветы... Розы в Волгограде растут на газонах рядом с тротуарами. И очень приятно, что возле цветов нет этих ужасных надписей: «Не рвать! Не топтать!». Горожане относятся к цветам бережно.

Запомнились мне встречи в Волжском, на Волгоградском тракторном заводе, в Доме партийного просвещения. Аудитория тепло и доброжелательно принимала мои стихи.

Даже дети, и те интересовались нашим творчеством. Группа пионеров очень просила меня подарить сборник стихов на русском языке. К сожалению, у меня не было с собой ни одной книжки. Я обещал ребятам выслать по почте.

Владимир БЕЕКМАН: Один из самых ярких вечеров был, по-моему, в подмосковном клубе поселка имени Дзержинского. Вечер и дружеский ужин. Стихи читались прямо за столом. Это было так необычно...

Теперь о Волгограде. Дружески встретили нас рабочие тракторного завода. Литературная часть программы этого вечера, на мой взгляд, превзошла концертную. Феликс Котта, Уно Лахт, Яан Кросс читали свои стихи на русском языке. Ответственный секретарь правления Волгоградского отделения Союза писателей РСФСР Николай Мизин пригласил нас чаще приезжать в Волгоград. Я думаю, что многие мои товарищи воспользуются этим приглашением и в свою очередь будут рады увидеть волгоградцев у себя на родине.

Эстонские писатели Лилли Промет и Рудольф Сирге на аэродроме.
Фото Л. Шерстенникова

ИЗ ЭСТОНСКОЙ ПОЭЗИИ

Яан КРОСС — *Песня о шестнадцатилетних*

1.

По вечерам на стройках, когда
закрапает дождик,
известковым раствором пахнет
от кладки новых фундаментов,
которых не было утром.
Краны сладко потягиваются,
а в темных сараях лопаты
расправляют свои черенки.

Огни и леса отражает черный
влажный асфальт,
а по нему шагает
войско шестнадцатилетних.

Намокли шинели черные
и стали еще черней...
Гремят сапоги задубелые...
Под мышкой — белье в газете,

в глубоких карманах — окурки
папирос, втихомолку выкуренных,
логарифмические таблицы
и навязанные культурником
билеты в концертный зал,
на «Героическую симфонию».

2.

Многого им не хватает,
но и много забот отпало.

Щенки успевают прозреть уже
на девятый день,
и если в логово волчье
внезапно щенок попадет,
мир для него не рухнет.

Человечье дитя прозревает
к четырнадцати годам,
если глазам его
вообще суждено прозреть.
Но случись: прозрел человек
и себя
в смрадном увидел логове —
рухнет мир и ребенка
под обломками искалечит,
если он не сумеет сбежать.

Ребятам в черных шинелях
это не угрожает.

С другими бывает в юности, что,
проснувшись однажды утром,
слышат они, как стены
роскошного отчего дома
стонут скрипуче: к р а ж а!
А кафель уютной печи
вздыхает протяжно: л о ж ь!
И, пресмыкаясь у ног,
мягко шуршат ковры,
и трюмо, сверкая, мурлычут
оду во славу ханжества.

Ребятам в черных шинелях
не угрожает и это.
Стена общежития им говорит:
— Будьте надежны, как я.
Печь говорит: — Подойдите поближе —
горю я, старая, новым огнем.
А утром осколок зеркальца, перед
которым они
наспех сбривают пух и заплетают
косички,
им говорит:
— Да останутся ясными ваши
глаза!
И просит простой половик:
— Ходите по мне! Я прямой.

3.

Строем проходят шинели черные,
и в воздухе веет мылом,
чистотой общежитий веет.

И, словно вином молодым,
еще неперебродившим,
веет запахом пота,
и запахом хвойного мыла,
и озоном волненья юного.

И я понимаю, глядя им вслед, что
в городах грядущего
будут музеи умные пахнуть
отборным вином,
выдержанным в бочонках,
а чистота — сквозняком корабельных
рощ,
а мысли — озоном, струящимся
от горных звенящих солнц.

Перевел Леон ТООМ

РЕПОРТАЖ ИЗ ЧИЛИ

В ЧАСЫ ВЕРСТКИ

Этот номер «Литературной газеты» уже был подготовлен к печати, когда по просьбе редакции специальный корреспондент Агентства печати Новости (АПН) телеграфировал из Арики, где сейчас находится сборная команда Советского Союза.

«Золотая богиня» — творение французского скульптора Абеля Ляфлера — сейчас, пожалуй, самое популярное произведение искусства. И хоть финальные игры чемпионата еще не начались, уже дебатируется вопрос, чьей станет «богиня», если в финале никому не удастся добиться победы ни в основное, ни в дополнительное время. Если при перекладывании снова будет зафиксирована ничья, придется прибегнуть к жребию. Тогда чемпион, как говорят в Чили «будет вынут из чьей-то шляпы». Не удивительно, что в некоторых шляпных магазинах появились такие объявления: «Судьба чемпионата может решиться в шляпе, которую вы купите в нашем магазине. Покупайте шляпы только у нас, и часть футбольной славы падет на вашу голову».

Первенство мира в разгаре. Пока трудно сказать, кому из нападающих будет присуждено звание «короля бомбардиров». Ситуация осложнилась еще и тем, что один из самых результативных бразильских нападающих Пеле, наиболее вероятный претендент на этот титул, получил травму.

(Окончание на 4-й стр.)

НАША НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА

С. МАРШАК

ПОМНЮ, во время одной из бесед, которые Алексей Максимович вел за столом со своими друзьями и знакомыми в минуты отдыха, кто-то из них удивился широте и обилию познаний Горького в самых различных областях жизни, не говоря уже о его необыкновенной осведомленности в области литературы.

Горький, стряхивая пепел с длинной папиросы, полушутливо ответил:

— Видите ли, ежели человек прочтет целиком — от первого до последнего тома — хоть одну порядочную городскую библиотеку, он уж непременно будет кое-что знать.

Вряд ли существовал на свете человек, который бы и в самом деле прочитал целиком — от первого до последнего тома — городскую библиотеку, но несомненно одно: библиотеки разных городов были в числе тех «университетов», в которых учился на своем веку А. М. Горький.

Другой писатель, английский художественный критик и публицист прошлого века Джон Рёскин, задал как-то своим читателям вопрос, хотят ли они встретиться и побеседовать с умнейшими в мире людьми.

Оказывается, для этого не надо ходить слишком далеко. Услышать речи умнейших и талантливейших в мире писателей и ученых можно в любой местной библиотеке.

В наше время и особенно в нашей стране, где всеобщая грамотность сделала книгу достоянием всего народа, библиотека как бы сама идет к читателю. Густая сеть библиотек и читален покрыла всю страну. Вы найдете их не только в городах, но и в селах и поселках, на заводах, фабриках и в школах, на стройках, в клубах, даже кое-где при домоуправлениях. По инициативе читателей-энтузиастов возникают — как, например, в Карелии, в городе Кондопоге — общественные библиотеки, где книжные фонды собраны самими читателями и где они же безвозмездно, по очереди исполняют обязанности библиотекарей.

А подлинным идейным руководителем всех этих многочисленных библиотек и читален, флагманом, ведущим их за собой, является наша славная библиотека, по праву и по заслугам носящая имя В. И. Ленина.

В недалеком будущем — 1 июля — вся Советская страна отметит ее столетний юбилей.

Трудно найти достаточно веские слова, чтобы выразить нашу читательскую благодарность этой поистине народной библиотеке и ее замечательным, безгранично преданным своему делу сотрудникам. Изо дня в день помогают они в работе ученым, писателям, практическим работникам самых различных специальностей, студентам, школьникам.

Мы принимаем их повседневную помощь как должное, и так редко представляется нам случай горячо, от всего сердца поблагодарить этих не по заслугам скромных, самоотверженных деятелей просвещения — дружный коллектив Ленинской библиотеки, который по справедливости можно назвать ее душой.

Столетие библиотеки — праздник всего советского народа. С чувством гордости сравниваем мы дореволюционную Румянцевскую библиотеку, из которой она возникла, с нынешней — Ленинской. По темпам ее роста и развития можно судить о размахе нашей культурной революции. За годы Советской власти библиотека догнала и оставила позади многие из старейших зарубежных книгохранилищ. И дело не только в богатстве ее книжных и рукописных фондов, а в мобильности и действенности, которыми проникнута вся система ее работы. Книги и рукописи — сокровища, накопленные человечеством за многие столетия,—не лежат в ней мертвым капиталом, а работают, служат нашему сегодняшнему и завтрашнему дню. Есть ли другая библиотека в мире, которая была бы так тесно, так неразрывно связана с жизнью страны, с народным хозяйством, наукой, техникой, литературой, школой?

Эта библиотека — подлинный новатор, неутомимый в поисках новых путей и форм просветительной деятельности.

С каждым годом растет и ширится круг абонентов и читателей Ленинской библиотеки. А ровно двадцать лет тому назад она предоставила три просторных читальных зала новому слою читателей— школьникам младшего, среднего и старшего возраста.

В высшей степени знаменательно, что первый читальный зал для детей открылся в мае 1942 года, то есть в самую тяжелую пору войны. Как надо было верить в конечную победу над фашистскими полчищами, чтобы именно в эти дни заботливо и уютно оборудовать и торжественно открыть в библиотеке отдел, предназначенный для самых младших читателей — детей и юношей.

Школьники в возрасте от 9 до 17 лет могут получить здесь любую библиографическую справку и совет, какую книгу почитать. К их услугам — любой понадобившийся им учебник.

Каждый из нас, кому случалось работать в читальных залах публичных библиотек, с благодарностью вспоминает ту успокоительную и в то же время располагающую к сосредоточенной работе тишину, которую не осмеливается нарушить самый суетливый посетитель.

Такая же серьезная, нерушимая тишина царит и в детских читальных залах, где за каждым столом вокруг лампы с абажуром сидят погруженные в чтение мальчики и девочки.

Должно быть, среди этих маленьких читателей есть такие, которым суждено будет отпраздновать стопятидесятую годовщину замечательной Библиотеки имени В. И. Ленина.

И они добром помянут ее нынешних работников.

ВОПРОС ВОПРОСОВ: РАЗОРУЖЕНИЕ

АНКЕТА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

В преддверии Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир, который откроется в Москве ровно через месяц — 9 июля, редакция обратилась к ряду известных политических и общественных деятелей, ученых, писателей разных стран с просьбой высказать свое мнение по важнейшей проблеме современности.

— Считаете ли Вы возможным всеобщее разоружение сейчас или в ближайшее время?

«Литературная газета» попросила ответить на этот вопрос людей самых различных политических взглядов и убеждений. Мы думаем, что выяснение существующих точек зрения поможет найти пути решения проблемы разоружения, этого вопроса вопросов наших дней, поможет сплочению сил, выступающих против войны.

Сегодня мы печатаем ответы на анкету «Литературной газеты» — первые из полученных нами.

Статьи печатаются в дискуссионном порядке. Страницы «Литературной газеты» открыты для всех, кто пожелает принять участие в дискуссии.

НУЖНО СТРЕМИТЬСЯ К СОГЛАШЕНИЮ

Бертран РАССЕЛ,
английский ученый и общественный деятель

Возможно ли всеобщее разоружение в настоящее время или в ближайшем будущем?

Всеобщее и полное разоружение совершенно необходимо для того, чтобы оградить мир от опасности катастрофы. И Советское правительство, и правительство США выдвинули проекты, намечающие пути к осуществлению этого грандиозного мероприятия. Расхождения между обоими проектами представляются несущественными по сравнению с угрозой атомной войны, но этих различий было достаточно, чтобы сделать соглашение до сих пор недостижимым. По сути дела, основная трудность заключается не в наличии расхождений между двумя предложениями о разоружении, а в отсутствии взаимного доверия. До тех пор, пока не будет устранено недоверие, каждая сторона по-прежнему будет подозревать противоположную сторону в вероломстве. Именно поэтому так трудно достичь соглашения в различных районах земного шара, особенно в Берлине и Южном Вьетнаме.

Разногласия подобного рода побуждают каждую из сторон упорствовать при защите пунктов, по которым расходятся их предложения о разоружении. Вот почему мне кажется сомнительной возможность достигнуть соглашения о всеобщем и полном разоружении до тех пор, пока обе стороны не проявят решимости разрешить прочие спорные вопросы. Для этого потребуется готовность идти на компромиссы, которые могут оказаться не по вкусу каждой из сторон. Такие компромиссы не должны изменять соотношение сил. Важно не то, какой характер будут носить достигнутые соглашения. Важно, чтобы соглашение было достигнуто. Это относится ко всем нерешенным проблемам. Это относится как к вопросу о разоружении, так и к территориальным вопросам. Ведь если бы обе стороны совместно пришли к выводу, что стремление избежать атомной войны лучше всего отвечает национальным интересам СССР и Америки, а также интересам всего мира, достижение компромиссных решений по всем спорным вопросам не составило бы особого труда.

Что касается меня, то, должен добавить, я приветствовал бы любое соглашение о всеобщем и полном разоружении, даже если бы в нем имелись статьи, которые не нравятся той или иной стороне. Сомнения вызывает у меня не желательность разоружения, а возможность его осуществления, пока сохраняется теперешняя атмосфера взаимной подозрительности. Я приветствовал предложения Советского правительства о всеобщем и полном разоружении и хотел бы, чтобы они были более тепло встречены на Западе. Но все же мне кажется, что каждая из сторон не вполне понимает трудности, стоящие перед другой стороной. И до тех пор, пока это недопонимание не уменьшится, у меня останутся сомнения относительно достижимости соглашения. Я делаю все, что в моих силах, для того, чтобы Запад стал более отзывчивым по отношению к инициативе Советского Союза, и надеюсь, что в СССР растет аналогичная отзывчивость.

В качестве одного из способов облегчить достижение договоренности можно было бы предложить нейтральным государствам выступить с планами разоружения, которые каждая из сторон могла бы принять, не уронив своего престижа. Пока на конференциях встречаются два предполагаемых противника, каждому из них трудно уступить в чем-либо другому. И для той, и для другой стороны было бы гораздо легче согласиться с предложениями нейтральных государств, которые могли бы отличаться сугубой беспристрастностью и принятие которых не означало бы пропагандистской победы ни для Востока, ни для Запада.

Нейтральные страны глубоко и законно заинтересованы в предотвращении атомной войны, и мне хотелось бы, чтобы к их мнению прислушались. Недостаточно, чтобы нейтральные правительства по собственной инициативе высказали свои соображения. Нужно, чтобы Восток и Запад предложили нейтральным странам высказать свое мнение. Этим я вовсе не хочу сказать, что Восток и Запад должны будут взять на себя обязательство принять подобные предложения; нет, я имею в виду только одно: обеим сторонам следовало бы обратиться к нейтральным государствам с просьбой представить свои предложения, чтобы использовать их затем в качестве основы переговоров на конференциях. Такой метод достижения договоренности представляется в общем наиболее обнадеживающим. И, повторяю, само соглашение важнее, чем те или иные отдельные условия соглашения.

ЛОНДОН

Я ВЕРЮ

Жюль МОК,
французский политический деятель

Перевооружение разоряет нас и умножает грозящие нам опасности. Надо разоружаться.

Успех определяется двумя условиями.

Прежде всего нужно создать всестороннее желание разоружиться. Ни одна великая держава не должна навязывать условия разоружения другой. Для того чтобы быть приемлемым для всех, договор о разоружении должен увеличивать на каждом этапе всеобщую безопасность, а не только безопасность одних за счет безопасности других.

Затем необходимо сблизить точки зрения на контроль. По мнению Запада, он восстановит доверие, доказывая каждому правительству, что все выполняют свои обязательства. Но СССР опасается «легализованного шпионажа» в условиях всеобъемлющего контроля. Соответствующее соглашение может уменьшить риск, связанный с возможностью обмана и чрезмерным инспектированием.

Решение было предложено мною в соответствии с нашей формулой 1952 года: «Ни контроля без разоружения, ни разоружения без контроля». Подобным же образом англичанин Ноэль-Бэйкер, советский генерал Таленский и я составили текст, единодушно одобренный на встрече «Восток—Запад» в мае 1962 года* и переданный делегациям в Женеве. Следовательно, соглашение возможно.

Начало разрядки напряженности в Берлине, в Лаосе и в других местах облегчило бы прогресс в деле разоружения, а прогресс способствовал бы разрядке. Политика и техника идут рука об руку.

Разоружение диктуется необходимостью. Я верю в него. Безумие людей прекратится! Доверимся их разуму!

ПАРИЖ

* Речь идет о состоявшейся в Брюсселе VI конференции «круглого стола», или, как ее называют, «конференции Восток—Запад», в которой приняли участие общественные и политические деятели, ученые, писатели ряда стран. — Прим. ред.

«ДА!» — РАЗОРУЖЕНИЮ. «ДА!» — СОТРУДНИЧЕСТВУ

ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Наша, советская позиция на предстоящем Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир выражена в Наказе советским делегатам на этот конгресс, принятом 30 мая в Москве Всесоюзной конференцией представителей советской общественности.

«Советская общественность, — говорится в Наказе, — считает необходимым в тесном содружестве с общественностью всех других стран решительно бороться за то, чтобы как можно быстрее были заключены международные соглашения по разоружению и на их основе начато всеобщее и полное разоружение под строгим международным контролем.

Советский народ всегда поддерживал и поддерживает требование народов всего мира о запрещении и уничтожении в первую очередь термоядерного оружия, как и всех других видов оружия массового уничтожения и средств доставки этого оружия, а также ликвидации военных баз на чужих территориях, вывода иностранных войск с чужих территорий и роспуска военных союзов. Проведение этих мероприятий наряду с постепенным сокращением обычных вооружений обеспечит возможность завершения всеобщего и полного разоружения. Мы выступаем за строгий международный контроль за разоружением и отвергаем контроль над вооружениями».

В Наказе подчеркивается необходимость дружеского обсуждения на Всемирном конгрессе всех точек зрения, всех предложений, направленных на укрепление мира:

«Советские делегаты на конгрессе должны тесно сотрудничать со всеми его участниками независимо от политических, социальных, религиозных и иных различий. В свободной дискуссии с представителями самых различных слоев населения всех стран — рабочими, крестьянами, работниками умственного труда, деятелями культуры и науки, представителями деловых и религиозных кругов необходимо находить решения, направленные на объединение всех сил, готовых вести борьбу за всеобщее и полное разоружение, за прочный мир на земле».

Пусть Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир, говорится в заключение Наказа, «станет началом нового этапа борьбы всех народов за торжество прочного мира на земле».

ПЕРЕЧЕРКНЕМ!

Жак КАМБ,
французский художник

Охотно приму участие в дискуссии по поводу одной из величайших проблем нашего времени. Надеюсь, что мой рисунок говорит сам за себя, но все же предлагаю вниманию читателей несколько строк.

По-французски слово PAIX — мир — оканчивается буквой, похожей на крест, которым перечеркивают ненужное. Какая находка для рисовальщика! Ведь это дает ему возможность выразить именно то, что самым естественным образом приходит на ум каждому.

Как может наступить длительный мир без разоружения?

Слово PAIX широким крестом перечеркивает все орудия смерти. Разумеется, это образ. Но так ли уж он призрачен? Пожелаем, чтобы все народы, как бы они ни писали или произносили слово «мир», добились того единственного решения проблемы разоружения, которое может окончательно спасти человечество от новой катастрофы!

ПАРИЖ

На анкету отвечают:

Лорд БЕРТРАН РАССЕЛ — английский ученый, публицист и общественный деятель. В мае этого года ему исполнилось 90 лет. Он член Королевского общества, кавалер «Ордена за заслуги» — одного из высших британских орденов, лауреат Нобелевской премии по литературе. Б. Рассел — зачинатель международного движения ученых за мир, один из инициаторов английского «Движения за ядерное разоружение».

ЖЮЛЬ МОК — французский политический и государственный деятель. Неоднократно занимал министерские посты в различных правительствах Франции. Член руководства социалистической партии. В последние годы входил в состав французских делегаций на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, а также представлял свою страну на совещаниях по разоружению.

ЖАК КАМБ — французский художник-карикатурист. Много лет сотрудничает в коммунистической газете «Юманите» и других прогрессивных изданиях.

ДЛЯ ТЕБЯ, ЧЕЛОВЕК!

У этой выставки есть одна интересная особенность. Большинство экспонатов — вещи не уникальные, существующие в нескольких экземплярах, а образцы серийной, массовой продукции предприятий нашей легкой промышленности. Готовая одежда, обувь, трикотаж, меха — почти все, что видят посетители Центрального выставочного зала на Манежной площади, можно купить в магазинах.

В день открытия Всесоюзной выставки одежды, обуви, трикотажных и меховых изделий здесь побывали товарищи А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, заместители Председателя Совета Министров СССР А. Ф. Засядько, К. И. Руднев. Вместе с ними были приехавшие на совещание представители коммунистических и рабочих партий стран — участниц Совета экономической взаимопомощи товарищи Владислав Гомулка, Юзеф Циранкевич, Антонин Новотный, Янош Кадар, Вальтер Ульбрихт, Тодор Живков, Антон Югов, члены делегаций и послы.

Советские руководители и представители братских народов с интересом знакомились с выставкой.

Фото А. Лидова

ЛГ ИЗ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ПРИЁМНОЙ

ДАЛЕКО ЛИ КАМЧАТКА?

Встреча первая

Посетительница была немолода и, как мне показалось, воинственно настроена. Она села напротив меня и сказала решительно:

— Вы должны написать про современную молодежь. Пусть знают, какая она на самом деле!

Понятно! Я приготовился терпеливо выслушать вариацию на тему: «Посмотрите только на нынешних двадцати- и двадцатипятилетних! Разве такими мы были в их годы?» Я приготовился согласиться: «Да, конечно, и вы, те, кому сейчас шестьдесят и за шестьдесят, и мы, кому сейчас сорок и за сорок, были не такими». Я приготовился горячо возразить: «Но разве это значит, что все «вы» и все «мы» лучше всех «их» — тех, кому сейчас двадцать и двадцать пять?»

А разговор пошел совсем не так.

Но прежде всего я хочу представить читателям посетительницу писательской приемной. Татьяна Михайловна Петрова начала учительствовать в 1913 году. В ее педагогическом стаже был перерыв: уходила медсестрой на фронт первой мировой войны; в годы гражданской — была в партизанском отряде. Потом работала на фабрике, только что восстановленной после разрухи. В 1924 году снова стала учительствовать, вначале в детских колониях, позже в школе. В годы Отечественной войны Татьяна Михайловна не дождалась сына с фронта, но она не может поверить, что он погиб. На пенсию ушла два года назад, проработав сорок семь лет.

Татьяна Михайловна пришла в редакцию не для того, чтобы упорить сегодняшнюю молодежь с высоты своего трудового и жизненного опыта. Она пришла рассказать, как живут, работают ее ученики.

«Нет, нет, я не была у них классным руководителем. И предмет преподавала не самый главный и не самый любимый — немецкий. Но хотя они кончили школу уже несколько лет назад...

Да, впрочем, вот письма с Камчатки — почитайте их!»

Думается, они не нуждаются в комментариях.

Сергей ЛЬВОВ

СПЕШУ УСПОКОИТЬ...

...Едем по Сибири, проезжаем хвойные леса, березовые колки, места, о которых раньше только в географии читала. А какие громадные реки Тобол, Иртыш, Обь! Скоро увидим Енисей...

...Дорога замечательная. Здесь люди относятся к дороге не так, как по пути на юг. На юг едешь — все нервничают от жары и от скуки, а здесь народ бывалый, едут спокойно, в вагоне чувствуют себя, как дома, знают все интересные места, а мы перенимаем опыт. Нас все уважают и наперебой расхваливают Камчатку.

* * *

Наша школа в небольшом поселке М. У Риты два шестых класса и девятый, у меня восьмой класс в дневной школе и пятый, шестой и седьмой в вечерней школе рабочей молодежи. Так что ждите продолжения «Весны на Заречной улице»...

Узнали учительство всего района. Говорят здесь откровенно, не по-московски резко. Почти все — молодежь. Пожалуйста, не увлекайся посылками. Главное для нас не еда, а книги, пластинки и прочие атрибуты культуры. Жду книги: 1) Чапек, 2) 3-й том истории кино, 3) что-нибудь Гейне, 4) 1-й том Шиллера, 5) Петефи, 6) «Три товарища», 7) «Моя жизнь в искусстве».

Ты спрашиваешь о здоровье. Спешу успокоить. Мы превратились в настоящих деревенских девчонок — прокаленных, круглых и краснощеких...

КАКАЯ «ВЫСОТА» У УЧИТЕЛЯ!

Первым уроком у меня был русский в шестом классе. Я больше всего боялась, что они не будут меня слушать, встанут и убегут или еще что-нибудь в этом роде. Вела я себя, наверно, смешно, но они принимали все всерьез. В восьмом классе я себя чувствую увереннее, хотя у меня очень трудная тема — введение в курс литературы. Восьмой класс у меня очень слабый, в прошлом году он считался самым плохим в школе. А шестиклассники — ничего, бойкий народ, и есть умные головки. Но все равно мне гораздо интереснее с моим молчаливым восьмым классом. Я держусь почему-то важной и, по-моему, делаю много ошибок на педагогическом поприще.

* * *

До чего же непонятны души человеческие! Я рычала-рычала на уроках на восьмиклассников, и вдруг являются пять девочек *просить меня работать с ними в колхозе*. Между прочим, эпизод был комический донельзя. Мы с Риткой только «залегли», как вдруг стук в дверь.

Входят девочки. Я растерялась — не могла представить, что им говорить вне урока... Но скоро мы нашли общий язык. Сразу после ухода девочек явился наш сосед по дому — инспектор и говорит: «Учитель должен быть у нас поставлен на такую высоту, а вы приглашаете к себе ребят, когда у вас даже кровати нет». Я ему возразила. А он говорит: «А если мы с вами будем в кухне в карты играть, а ребята придут, хорошо это?»

Никогда мы с ним в карты не играли и не будем, а смысл всех его тирад: «Пусть школьники не мешают мне пить спирт»...

* * *

Теперь в колхозе в отношениях с ребятами все переменилось. Мы с Ритой — в штабе, недаем расстановкой на работу, проверяем качество, подводим итоги, выпускаем «молнию». Но перед отправкой всегда приходится ждать машины, и шестиклашки просят что-нибудь рассказать. А когда рассказываешь, они забывают про двойки, про замечания, смотрят прямо в рот, девчонки обнимут, совсем, как малыши, и слушают, слушают.

А работать умеют хорошо. Эти два дня я тоже уже работаю на зерне, вместе с ребятами. Теперь у нас отношения гораздо проще с моим восьмым. Да и какие тут дистанции, когда работаю с ними наравне, лопаю то же, пью то же. Завтра договорились идти с ними в поход.

...А комната у нас теперь отличная.

* * *

...У нас становится прохладно, особенно утром и вечером. На машинах пробирает. Зато как залихватски научились ездить мы по местным колдобинам, как привыкли взлетать в кузов и спрыгивать оттуда! Все это мне нравится. И мне нравится, что мы справляемся, кажется, становимся сильней... Воюю с ребятами ужасно, боремся за хорошие показатели, за полную явку на поле, за коллектив. Зато в перерыв у нас замечательные обеды, которые заканчиваются неизменными рассказами о Москве. Только когда очень разволнуюсь, ем с учителями, для ребят это смертельная обида.

Держи меня в курсе всех культурных новостей. Отвечаю на вопросы. Вы спрашиваете, сколько этажей в школе? Один, — и не задавайте больше смешных вопросов.

ГЛУШЬ, МЕДВЕЖЬЯ БЕРЛОГА И ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО, А ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО

...Наступили «худые времена», как говорят мои камчадальчики. Абсолютно нет времени. Подготовка к 5-му классу, к 6-му, к 8-му и классное руководство.

...Пятого у нас вечер, на котором мы, учителя, даем концерт для колхозников, выступали во всех жанрах: поем, танцуем, читаем. ...А теперь поговорим про глушь, про медвежью берлогу и про то, что это для меня плохо... Но ведь, милые мои, это эгоизм, все тот же старый, откровенный эгоизм. Мы уедем, а кто же останется? Мама, как здесь нужны люди!

Есть у меня один парнишка в 8-м классе — замечательный. А вышло так, что он из-за меня чуть школу не бросил, сидел четыре дня дома, переживал. Хорошо, случай помог, вернулся. А все из-за того, что у меня не хватило чего-то педагогического.

* * *

...Комната наша, к сожалению, чутко реагирует на внешние условия. Ведь температура не балует: — 30° в порядке вещей, было и под сорок и больше. Тут нужно все уметь. Посмотрела бы ты, как раздалбываются чурочки из-под моего топора! Дома у нас *хорошо, весело*. Девчонки славные. Смеемся так, что штукатурка со стен летит.

Вечер праздничный вышел приятный и концерт тоже. Представляете себе меня в роли исполнительницы зажигательной польки? Нет? Я тоже. Однако было. Еще читала я «Гренаду» Светлова. А сейчас мы готовим настоящий концерт для районного Дома культуры вместе с работниками стройконторы. У нас среди «стройконторцев» есть избранная троица. Здешняя молва их считает первыми хулиганами, а мы в них открыли много хорошего.

* * *

...Оказалось, что настоящих морозов мы еще не видали. Как-то утром было —54°. Вот тогда досталось! Дыхания не хватает, ноги дерет сквозь две пары шерстяных чулок, лицо — сплошная боль. Хорошо только, что после нескольких утр в —45° чувствуешь себя вполне сносно.

А еще была у нас пурга, люди ходили задом наперед, потому что ветер ужасно хлестал в лицо. Но мне понравилось. Я в это утро ходила в библиотеку, и мы всю дорогу дрались с ветром, то есть я пыталась идти нормально, лицом вперед.

...Я вам не писала, что в десятом классе вечерней школы у меня учатся здешние самые важные люди: начальник милиции, прокурор, заведующий метеостанцией. На первом уроке я их ужасно боялась, а теперь, конечно, запросто.

Ура, последняя новость! У нас упала полка с посудой, и разбилось все, все совершенно. Представляете себе, сколько у нас будет счастья!

...В вечерней школе почему-то даже солидные люди становятся маленькими. Мои «дядьки» прячутся от меня в кино, если удирают с уроков.

* * *

...Инспектор из Петропавловского института оказался на редкость умным и дельным человеком. Он специалист-филолог и своим отношением к литературе напомнил мне наших лучших институтских лекторов. От него мы услышали очень много нужного. Узнали в марте то, что нам необходимо было знать в октябре. У меня итоги намечаются плачевные — очень много двоек. И во многом я сама виновата, потому что до последних дней не было времени взяться как следует за дурачков.

...Последняя новость. После каникул у меня будет 37 часов в неделю! Все последние дни и частично ночи тружусь безостановочно, мечтаю о запасных частях для головы... Наконец, концерт наш состоялся. Люда пела романсы Гурилева, я исполняла «Горные вершины» Рубинштейна, мазурку Шопена и «Вальс» Грибоедова. Нет, концерт — это слишком большая тема! Напишу отдельно!

«ПОЖЕЛАТЬ ХОТИМ ВАМ СЧАСТЬЯ!»

(Летом 1960 года Наташа прилетала в отпуск в Москву, а к началу учебного года вернулась в свою школу.)

Вот и кончилось мое московское житье. Как вам нравится выставка Левитана? О ней много пишут. Проигрыватель работает, с музыкой жить стало лучше. И радиовещание тоже стало оперативнее. Вчера вечером из Петропавловска слушали «Реквием» Моцарта и 6-ю симфонию Чайковского. В прошлом году нас по радио так не угощали...

Вся деревня ходит с черными губами и зелеными языками,— сейчас пора черемухи.

Да, у нас огромная новость! Снял инспектора, и он вчера покинул М. Снял в основном за пьянство. Это подействовало на его последователей, и сейчас драться со «спиртовниками» будет легче.

* * *

Мамуль, в прошлую субботу мы уходили с девятиклассниками в сопки! Ночевали в лесу, а в воскресенье забрались на сопку. Прошли за день около 30 км, включая и горные. Красота необыкновенная! Но было очень трудно, я даже во время первых подъемов боялась, что не выдержу. Не хватало дыхания, ноги подкашивались. Подъемы настолько крутые, что полпути поднимались на четвереньках, за что и прозвали себя «четвероногими туристами». Ребятам, конечно, было легче, ведь мы брали только спортсменов. Ну, ничего, главное, вершина взята! А в эту субботу после устного журнала снова собираемся в поход, на этот раз участники—учителя-комсомольцы. Назначен романтический выход в 11 часов ночи...

* * *

В субботу с трепетом слушала, как объявляется со сцены открытие очередного номера устного журнала. Самым острым был вопрос о поэзии Блока: поймут или не поймут? Но аудитория была хорошая и слушала хорошо.

...Сегодня воскресенье. У нас традиционный праздник урожая. Выставка откроется в два часа. Но мне нужно туда пораньше, репетиция и т. д. А вчера мы прямо из школы отправились в клуб на комсомольский вечер, мы отвечаем за вторую часть. Вот так и живем!

* * *

...Скоро ноябрьские праздники. Время летит удивительно быстро. В прошлое воскресенье ходили с концертом в небольшое село за 20 км. Там уголок тихий. Культура про них совсем забыла, даже кино редкость. Один Ваня Чуркин — замечательный парнек, он и секретарь комсомольский, и зав. клубом, он и на ферме с телятами. Девчонок усадили в машину, а я с мальчишками потопала пешком. Полпути прошли, потом нас подвезли. Концерт получился неплохой. Зато на обратном пути измучились: 20 км пешком по плохой дороге. Три дня ноги были как чужие. В среду проводили комсомольское собрание — диспут «Готов ли ты жить при коммунизме?». Проспорили два часа подряд. Ребята из стройконторы (мы решили подтянуть их организацию и ведем совместную работу) только рты раскрыли...

* * *

...Новый год прошел у нас исключительно бурно. Было двадцать пять человек: и учительская молодежь, и рабочий класс, представители всех организаций. Мы с Ритой, бедные, смогли лечь спать только около 12 ч. дня, а в два были разбужены звуками музыки. Отворила дверь, входят четверо ребят и по всю силу легких поют: «Пожелать хотим вам счастья!»

* * *

Началась III четверть. И опять дела, дела... А тут то с одним, то с другим что-нибудь случится. Володька (помнишь, я тебе про него писала) задурил, перестал ходить в школу — бились, бились с ним, всю душу вытянул. Хорошо, хоть не напрасно.

...Сегодня утром был мороз под —50°. А знаешь, доставать из колодца воду в 50-градусный мороз тоже романтика!.. А я недавно на лыжах каталась. Ты спросишь, когда? В час ночи.

...У меня новая должность — секретарь нашей учительской комсомольской организации. Как я ни доказывала, что я и так ничего не успеваю, все-таки выбрали. Готовимся к фестивалю.

ГОД ТРЕТИЙ. ГОВОРЯТ, ЧТО МЫ «ВЫРОСЛИ»

Не знаю, улетит завтра письмо или нет, потому что сегодня целый день мело. Вообще у нас в этом году зима ранняя.

У нас недавно проходила инспекторская проверка. Судя по отзывам о наших уроках, мы сильно «выросли»...

* * *

Здесь редакции приходится отложить письма: газетная площадь невелика, а писем еще много. Но ведь и так уже ясно: девушки, поехавшие на Камчатку, многому научились — они славно прожили эти три года! Мы не знаем, вернутся ли они в Москву (теперь, после трехлетней работы, это право у них есть) или останутся там. Но где бы они ни были, этот первый жизненный экзамен, который они выдержали с честью, не забудется.

Впрочем, это уже начинаются комментарии, но, действительно, нужны ли они здесь?

Чрезвычайное происшествие

ПИСАТЕЛЬ ИЗДАТЕЛЬ ЧИТАТЕЛЬ

В ОДИН далеко не прекрасный день в Душанбе, а потом и в других городах и сельских районах Таджикистана началось уничтожение книг, выпущенных местными издательствами.

Книги, как макулатуру, сдавали в утиль по весу. В соответствии с утвержденным списком. По всем правилам.

Некоторые книги, которым больше повезло, были уценены и продавались по бросовым ценам — люди с базара, хлынувшие к книжным прилавкам, покупали их на завертку. На завертку шли главным образом классики таджикской и русской литературы, любовно и красиво изданные...

Вот несколько приблизительных цифр, чтобы представить себе масштабы этой операции. Списанию (то есть уничтожению) подлежало около тысячи названий, что составляет примерно продукцию «Таджикгосиздата» за три года! Уцененные книги надо считать особо. Они идут по другой статье. А всего, как говорится в документах, «списано литературы» на 458 тысяч рублей новыми деньгами. Это уже цифра абсолютно точная. Эти тысячи народных денег книготорг получил из бюджета республики на «покрытие убытков от списания».

Работникам книготорга, быть может, и приятно сознавать, что существует Министерство финансов, которое покроет их убытки. Но кто возместит убытки другого порядка, кто подсчитает моральный ущерб, нанесенный от уничтожения произведений Айни на таджикском и русском языках, Андерсена, Гоголя, Белинского, Герцена, Тургенева, Шевченко, Горького, Свифта, Гюго, Чехова, Короленко, Лермонтова, Твена, Радищева, Некрасова, Пушкина, Толстого на таджикском языке? Фирдоуси, Рудаки — на русском языке? Книг многих крупнейших советских писателей?

...Есть на свете нечто невыразимое в колонках цифр. В бухгалтерских книгах нет такой графы — «чувства». Зато они есть в жизни.

Мы побывали в колхозах Гиссарской долины, где талант и труд сделали каждый кусочек земли таким прекрасным и цветущим, встречались с учителями и сельскими специалистами, видели плотно заполненные абонементы колхозников в библиотеках — и всюду мы видели читателей, которым дорога и необходима книга.

И, конечно же, немало таких людей было и среди тех, что оказались невольными свидетелями уничтожения и распродажи с молотка драгоценных творений классиков. Они не могли спокойно смотреть на это. Они забили тревогу. Начали стучаться во все двери. История эта стала широкоизвестной, и надо в ней разобраться — по возможности спокойно и трезво.

— В НАШ список поначалу вошли действительно устаревшие, ненужные издания, годами загромождавшие склады, — говорит начальник Управления объединения книжной торговли при Министерстве культуры республики тов. Яхяев, — но дело в том, что у нас сложилось тяжелое финансовое положение... Реализация изданий шла очень медленно. Деньги к нам не поступали, и нам закрыли счет в банке. А это значит, что мы не могли перевести издательствам ни копейки, что они оказались перед угрозой прекращения работы, — и это еще не все! А как платить зарплату? Да что там говорить — никому не пожелаю «сидеть на просрочке»! Так вот и началось...

— С просрочки?

— Если хорошо посмотреть, то раньше. Давно началось! И совсем не с просрочки...

— И как же все это происходило?

Яхяев рассказывает. Подробно. Досконально. Им ничего не забыто, не опущена ни одна подробность. Я понимаю: Яхяев хочет подчеркнуть — все было сделано в соответствии с существующими законоположениями.

Да, все было сделано в соответствии. Список обреченных книг составляла представительная, компетентная комиссия. Она обсуждала, уточняла. Потом список издали типографским способом. На разных инстанциях из него вычеркивались кое-какие книги — это было их спасение. И все же количество названий неумолимо и катастрофически росло — ведь чем больше списать, уничтожить книг, тем большую сумму (прямая пропорциональность) получит книготорг «на покрытие убытков». И, вероятно, на какой-то стадии вступили в силу инерция больших чисел и неумолимые законы чистой математики.

Заместитель министра финансов республики тов. Антонов дает точную справку: из года в год неуклонно растут суммы «на покрытие убытков от списания книг». В 1958 году они составили 773 тысячи, а в 1961 году — 901 тысячу рублей. Почти миллион!

КОГДА в насыщенный до предела раствор бросают еще один, хотя бы самый крошечный кристаллик, то возникает процесс, обратный растворению. Жидкость уже больше не может поглощать, растворять, и начинается бурное выпадение осадков. Нечто подобное происходит между издательствами и книготоргом, только вместо слова «осадки», в отличие от химиков, здесь употребляют близкое к нему — «остатки».

— Посмотрите, вы только посмотрите на тематический план «Таджикгосиздата» на 1962 год, — горячится Яхяев, — вот здесь название книги, это тираж, а это проставленный мной фактический заказ с учетом выявленного нами спроса по республике. Ну, к примеру, Омар Хайям на таджикском языке. Тираж — 25 000; фактический заказ — 10 150; излишки — 14 850. Почти шестьдесят процентов тиража — излишки! Как нам их продавать? Кому?

Тов. Яхяев говорит об одном издательстве и об одном разделе тематического плана. Но в республике четыре издательства, а в тематических планах много разделов — какое же новое гигантское уничтожение книг произойдет в 1963 году!

Если встать на точку зрения книготорга, оно неизбежно. Ну, а если высказать такую «странную» мысль — не «списывать» классиков? Почему классики не могут стоять на полках книжных магазинов месяцы? Разве от этого они устареют?

Но речь идет не о классиках. Раздутые тиражи быстро устаревающих книг — вот главная беда. Но дело, оказывается, не только в этом! Недавно газета «Комсомолец Таджикистана» выступила со статьей «План, оторванный от жизни», из которой явствует, что в «Таджикгосиздате» не учитывают запросы читателя, его интересы, плохо представляют себе адрес издаваемых книг. В статье приводятся удивительные факты, когда, например книга, вышедшая три года назад и до сих пор еще не распроданная, включается под другим названием в план нынешнего года.

По-видимому, книгоиздателей республики не интересует реальный читатель. Они знают: гигантский размах книгоиздательского дела в нашей стране — величайшее достижение культурной революции. Но осознают ли они и другое: меру ответственности людей, стоящих у истоков народного просвещения? Понимают ли эти люди, как дально, видно, по-государственному мудро должны они распоряжаться народным рублем? Происходит же нечто удивительное. Заключаются договоры, проставляются тиражи, — и все это без учета спроса, без знания читателя.

Скользит по рукописи карандаш редактора. Линотипы рождают отлитые абзацы (пусть не в бронзе, но все же в металле). Работают печатные машины. Книги заполняют склады. Но раствор уже давно перенасыщен, и происходит бурное выпадание «остатков», которые обходятся государству в сотни тысяч рублей.

ТАК возникли ножницы между издательствами и книготоргом. Если говорить грубо — слишком много книг, слишком мала и плоха книготорговая сеть. Как же эти ножницы сомкнуть?

Задача была бы не такой уж сложной (взять да и сократить издательские планы, а заодно свести до минимума тиражи), если бы в этой цепи не существовало еще одно звено — читатель. А читателю, несмотря на все списания, нужны книги. Нужны — кто же станет спорить? Но вот какие и сколько — этого-то как раз толком и не знают ни в издательствах, ни в книготоргующих организациях.

— Да можем ли мы это знать, если на всю республику в книжной сети «Таджикпотребсоюза» всего четырнадцать специализированных книжных магазинов! А ведь потребсоюз — это село. А село в Таджикистане — огромное большинство населения. — Начальник отдела книжной торговли «Таджикпотребсоюза» Мария Захаровна Степенко делает паузу, как бы давая время осмыслить эту цифру: 14 на всю республику. Потом она продолжает: — А работники, знающие, что такое книга? В нашей системе я могу их сосчитать по пальцам. Мудрено ли, что так малы собранные нами заказы? Вы спрашиваете, отражают ли они интерес читателя к книге? Конечно, нет! Но что прикажете делать? У нас нет ни средств, ни возможностей по-настоящему пропагандировать литературу, широко встречаться с читателями дальних районов, устраивать конференции, почаще приглашать писателей...

— Ну, а что касается сельмагов и магазинов с культтоварами, где тоже продается книга... — Мария Захаровна вдруг обрывает себя: — Да надо ли говорить об этом?

Нет, Мария Захаровна, не надо. Мы проехали сотни километров по республике и побывали в десятках сельмагов. Для точности могу перечислить: Шахринаусское сельпо № 3 Гиссарского района, сельмаг Кировского сельпо № 7 Регарского РПС, сельмаг № 3 Пахтаабадского сельпо Регарского района, сельмаг № 1 Гиссарского РПС... Впрочем, достаточно. Картина всюду одна и та же: книги в заброске, в пыли, иногда под прилавком. Год их издания, как правило, 1956—57—58-й, случается, что и 1960-й. Новых поступлений не бывает месяцами, а то и годами. О новинках, следовательно, говорить не приходится. Соответственно их и не покупают. Впрочем, это обстоятельство ничуть не заботит заведующих и продавцов. В план товарооборота магазина книги не входят. Купите — хорошо, не купите — тоже хорошо. Вот только что место занимают. Но мириться можно: не так уж их много, этих книг...

— Картина безрадостная. Я знаю это не хуже вас, — задумчиво произносит Мария Захаровна, — но поймите: дело не в нашем нежелании работать. Просто нам надо помочь. Надо, наконец, разобраться в наших трудностях, разобраться — и помочь.

О трудностях в один голос говорят и работники книготорга. Да, их заказы тоже могли бы быть значительно большими, пропаганда книги — активней, интересней, разнообразней (тут у них справедливый счет и к газетам, радио, телевидению), все это так. Но нельзя забывать и о наличных силах.

В самом деле, в столице республики Душанбе, всего три книжных магазина. Это на университетский город с почти трехсоттысячным населением, с Академией наук, промышленными предприятиями, театрами, вузами, редакциями газет и журналов, многочисленными учреждениями! Что ж говорить о других городах республики, о районных центрах? А специалисты, занимающиеся рекламой и пропагандой книги? Их можно сосчитать по пальцам. А уровень квалификации книгопродавцев, в особенности в районных центрах?

Становится очевидным: чтобы сомкнуть ножницы, недостаточно даже самых решительных перемен в каком-либо одном звене нашей цепи. Необходимо встречное движение — издательств и книготоргующих организаций.

ТУТ МНЕ хочется вернуться к началу корреспонденции, к впечатлениям от встреч с колхозниками и с интеллигенцией сельских районов. Ведь если войти буквально в каждый дом, то можно встретить там либо учителя, либо сельскохозяйственного специалиста, либо студента-заочника, либо пропагандиста, наконец просто школьника и рядового колхозника, любящих книгу. Как же нужна им литература — и специальная, и общественно-политическая, и художественная! Сколько среди них горячих друзей и почитателей книги!

Но у этой армии нет командиров. Несмотря на все жалобы на нехватку людей в книготорговой сети, в республике, по существу, даже не делается попыток организовать широкое общественное распространение книги.

И вот происходит уничтожение книг. Трудно поверить, но уничтожение из года в год повторяется с какой-то злой закономерностью. Одно, другое, третье... Будет и четвертое...

Можно ли мириться с этим? Разве решение проблем книгоиздательского и книготоргового дела, ставших такими острыми, не в компетенции партийных органов и правительства республики? Разве это не государственный вопрос?

В горах и цветущих долинах Таджикистана для книги открыта каждая дверь. Надо только войти в нее.

С. СМОЛЯНИЦКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

Премии вручены

В Большом зале Киевской консерватории под председательством Александра Корнейчука состоялось заседание правительственного республиканского Комитета по премиям имени Т. Г. Шевченко. Открывая заседание, А. Корнейчук отметил, что первыми удостоены высокого звания лауреатов Шевченковской премии широко известные в республике и за ее пределами деятели украинской советской культуры — Олесь Гончар, Павло Тычина и композитор Платон Майборода. Лауреатам были вручены золотые медали и дипломы.

О. Гончар, П. Тычина и П. Майборода выразили сердечную благодарность за высокую награду. Присужденные им денежные премии лауреаты передали в Фонд Мира.

КИЕВ. (Наш корр.)

Совещание детских писателей

Три дня проходило в Туле совещание детских писателей 14 центральных областей Российской Федерации, организованное правлением Союза писателей РСФСР и Тульским отделением Союза писателей Федерации. Более пятидесяти писателей приняло участие в этом большом разговоре о детской литературе, о коммунистическом воспитании молодежи.

Совещание открылось выступлениями секретаря Тульского обкома КПСС В. Мочалова и секретаря правления Союза писателей РСФСР С. Баруздина.

Встреча вторая

Это еще случается: люди живут в новых квартирах, а представления у них старые, обывательские. Ведут они себя соответственно «воинственно», не считаясь с правилами советского общежития, отравляя жизнь другим.

«В РЕЗУЛЬТАТЕ ПАДЕНИЯ КАСТРЮЛИ...»

О таком соседе, старшем инженере Госстроя СССР А. А. Чамине, *пришел рассказать в писательскую* приемную «Литературной газеты» С. И. Красильщин, редактор Госстройиздата.

Его рассказ показался убедительным. Но самое убедительное — это «жалобы» тов. Чамина, пересланные в газету Госстройиздатом. Чего там *только нет*! И *трогательные* заботы о том, как бы «уберечь вещи от увечья» со стороны соседей, и размышления об упрощении «системы учета расхода электроэнергии», и многое, многое другое.

Жалобами Чамина занималось партийное бюро Госстройиздата. И вот вывод: факты, приведенные в них, не подтвердились, а сами заявления носят клеветнический, сплочный характер.

Тов. Чамин не жалует общественность. Пришла к нему комиссия Госстройиздата, он отказался разговаривать с ней.

Редакции тоже очень хотелось поговорить с Чаминым, выслушать его, попытаться понять, чего же все-таки он хочет. Не наша вина, что этого не произошло. На приглашение редакции прийти в приемную мы получили весьма любопытный ответ тов. Чамина:

— Я и вам не приду. Если у вас есть на меня жалоба, пришлите ее мне, я ознакомлюсь и решу, как с ней поступить.

Но редакция «Литературной газеты» «решила поступить» иначе. Поскольку жалобы А. А. Чамина — тоже своего рода литературное произведение, то редакция попросила литературного критика З. Паперного написать на них рецензию.

Товарищи, важное сообщение: упала кастрюля!

События в Аджире, Лаосе, последние сведения о футбольном чемпионате в Чили и о турнире в Кюрасао — все отступает и меркнет перед этой сенсацией.

Кастрюля упала в сушильном шкафу и разбила чашечку, блюдце, я общем несколько предметов. Владельцем чашечки и блюдца является гражданин Чамин А. А. Кастрюля же принадлежит его соседу. Чамин А. А. не вытерпел и стал писать жалобу. Не на кастрюлю, а на того, кто, так сказать, стоит за ее спиной. Когда читаешь эти жалобы — их несколько, — создается впечатление: кастрюля не сама упала, ее забросили, метнули в чаминские чашечки.

Падение кастрюли можно сравнить с первым выстрелом на границе. Дальше была пущена в ход тяжелая артиллерия. Точнее говоря, — корыто. Как сообщает я одной из своих жалоб А. Чамин, корытом *соседа была повреждена* в кладовой его стиральная машина.

Дальше — *больше*.

«У двери уборной изъят замок».

Здесь, правда, непонятно, почему на двери уборной был замок? Что, собственно говоря, охранялось? Автор жалобы пишет так, будто речь идет не об уборной, а о некоем учреждении. Чтобы туда проникнуть, надо иметь ключ, а может, и специальный «допуск».

О событиях, развернувшихся после падения кастрюли и снятия замка, автор жалоб повествует так, словно излагает историю мировой дипломатии. «Так кончилась наша конференция по улаживанию возникших трений в нашей жизни», — говорит он о «переговорах» с соседом. Он пишет о «холодной» и «горячей» войне. А из-за чего?

Вот еще один «казус белли», повод к войне, пользуясь латинским термином: соседи, возвращаясь домой, «осуществляют стук дверями». Если бы просто стучали — еще туда-сюда, но они «осуществляют стук». Это, конечно, страшнее. Соседи этим не ограничиваются, они «проводят другие действия — то закрывают окно и дверь в кухне, оставленные нами для проветривания комнаты и санитарных мест, или, наоборот, открывают их, когда мы оставляем закрытыми, и др.»

Это «закрывают, когда мы открываем, и открывают, когда мы закрываем», несомненно, восходит к классическому «стрижено-брито». Выразительно «и др.» в конце фразы: чувствуется, что автор мог бы еще много чего рассказать, но берет только самое важное, значительное, существенное.

Уже давно замечено: каждое произведение дает два изображения — того, о ком говорится, и того, кто говорит. А. Чамин в своих обвинениях клеймит соседа и его жену за все их злодеяния, за кастрюлю, за корыто, ямок в уборной; обо всем этом он пишет в стиле «Не забудем, не простим!» Но странное дело, чем больше он бранится, тем полнее вырисовывается его собственное лицо. Человек хотел сочинить кляузу, а получился автопортрет. И довольно злой.

Он, например, сигнализирует о таком преступлении жены соседа: она заставляет своего мужа в ванной тереть ей спину. Подумать только!

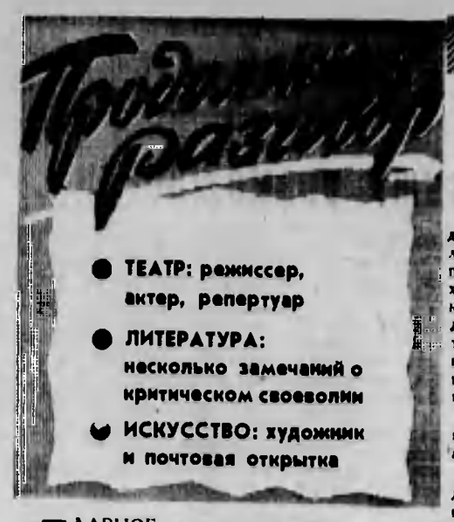
Сначала такое сообщение просто ошеломляет. Но потом, успокоившись, начинаешь рассуждать: а что, собственно, плохого, если человек наводит чистоту на спине — на своей же спине. Почему лично вы, товарищ Чамин, должны так нервно и болезненно реагировать на это? И откуда вы вообще об этом знаете? Ведь, наверное, в отличие от уборной, с которой был снят замок, ванная все-таки как-то запирается? Что же вам-то делать у закрытых дверей, если жена соседа моется? Надо ли тут и в этот момент создавать наблюдательный пункт? Будет ли это правильно? Ведь ни в каком своде законов ни прямо, ни косвенно тереть спину мочалкой не возбраняется, статьи такой о «нетерении спины» нет и пока не предвидится.

Но трудно все это внушить человеку, находящемуся в состоянии войны. Он все время живет в ожидании контратак, вылазок, набегов. Сотрудник редакции приглашал его поговорить, поискать пути «к примирению сторон». Но он отказывался — не может покинуть боевые рубежи. Даже на мусорном совке он во избежание недоразумений четко и ясно вывел: «Чамин». Пусть попробуют соседи выносить сор из избы в его персональном совке!

До сих пор мы знали пароходы, библиотеки, театры, носящие имя того или иного замечательного человека. А. Чамин решил присвоить свое имя совку. Таким образом, он уже не просто жилец, а «совковладелец». Как говорится, мой дом — моя крепость, мой совок, моя персональная щетка — — мое — и только мое! — личное оружие.

Будь я художник, непременно запечатлел бы А. Чамина в полный рост и в боевой обстановке. Падают кастрюли, то открываются, то закрываются двери, вопреки его желаниям, а он стоит, готовый стереть соседа с лица жилплощади, сжимая в руке свой верный совок.

З. ПАПЕРНЫЙ.



- ТЕАТР: режиссер, актер, репертуар
- ЛИТЕРАТУРА: несколько замечаний о критическом своеволии
- ИСКУССТВО: художник и почтовая открытка

БАРЬЕР ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТИ

Юрий ЛАВРОВ, народный артист СССР

«ГЛАВНОЕ направление театра — показать нравственную силу и красоту советского человека, научить красоте!» — совершенно справедливо говорит Г. Товстоногов в своей статье, опубликованной в «Литературной газете» (17 февраля). Автор статьи предлагает призадуматься, он зовет «мыслить, чувствовать, любить». В ответ на этот совершенно справедливый и своевременный призыв мне и хотелось бы высказать несколько своих соображений.

Г. Товстоногов поступает, конечно, благородно, когда берет на себя часть «вины» за существование плохой драматургии. Но мне не понятно, почему он должен это делать! Почему режиссура вообще должна быть ответственна за драматургию?

Партия ставит справедливое требование: больше хороших произведений на современную тему! Больше хороших! Но — не плохих! Но не посредственных, не серых и скучных!

Товстоногов, видимо, считает, что режиссер обязан «выправлять» автора слабой пьесы. Возможно, что в отдельных случаях отдельному режиссеру в отдельном театре «слабую» пьесу подправить и удастся. Скажем, когда при очень слабом драматургическом материале («Учитель Бубус», к примеру) В. Э. Мейерхольд создавал великолепные сценические произведения. Но делать это правило обязательным для всех режиссеров, для всех театров не следует. Большинство подобных попыток ни к чему хорошему не приводило.

Меня, вероятно, обвинят в том, что я против так называемой «работы театра с драматургом».

Нет, я не против работы театра с драматургом. Меня восхищают примеры долголетней творческой дружбы того же Виктора Розова и Центрального детского театра, Алексея Арбузова и вахтанговцев, А. Корнейчука и МХАТа... А сколько примеров такого плодотворного содружества в прошлом — Островский и Малый театр, Чехов, Горький и МХАТ...

Однако я против того, чтобы эта дружба превращалась в некое вытягиванье, дотягиванье дурной пьесы до среднего приемлемого уровня. Я знаю наверняка: серьезно относящемуся к своему делу драматургу такой помощи не надо. Чем лучше драматург, тем ревнивее он относится к каждому своему слову. К каждой своей мысли, выношенной и продуманной.

Единственный вид помощи для хороших драматургов — все та же обыкновенная, строгая и всякому художнику необходимая старушка-критика!

Но есть, к сожалению, и другого сорта авторы, готовые под любым соусом протащить на сцену свое «произведение».

Почему театр обязан помогать такому литератору, тратить драгоценное время, силы на его сомнительную «драматургию»? Стоит ли сие «художество» этих усилий, пота, крови, нервов?! Как часто случается, что, взяв неосторожно такую вот пьесу, театр мучительно старается создать из нее нечто похожее на спектакль! Для этого сперва из пьесы что-то выбрасывают, потом дописывают, затем переставляют первую картину на место четвертой (или пятой — сие не существенно), а из последней картины делают пролог. Зачеркивается одно действующее лицо, и вместо него в этом, как принято выражаться, «варианте» рождаются три новых персонажа, до «работы с автором» вовсе и не предусмотренных...

А итог? Театр, «помогая автору», создает, как правило, неполноценное сценическое представление. И, выпуская такой спектакль, мы обычно говорим для самоуспокоения: «Да, наше сценическое дитя полуприлично, но ведь «тема нужная»...»

Я понимаю, что среди людей, создающих пьесы (а таких охотников, включая пишущего эти строки, немало), попадаются такие, которые обладают известным дарованием. Что они очень хотят писать пьесы — это хорошо. Но в силу своего малого опыта эти люди требуют особого внимания к себе и помощи — это уже сложнее. Спрашивается, кто должен им помогать? Мы? То есть театр, режиссер, актер? Или специалист этого дела, хороший, опытный драматург?

По-моему, последний, по-моему, драматург. Ведь существует же секция драматургов при Союзе писателей. Почему тот, кто желает стать драматургом, не идет туда, где он от специалиста может и должен получить помощь, а отнимает время, силы, внимание у театра, куда он (драматург) обязан принести уже свой готовый товар?

Почему ко мне за помощью не обращаются, скажем, художники-пейзажисты? Ведь они идут на консультацию к своему специалисту...

Мне кажется, что пора закрыть лазейку, через которую проникают в театр плохие драматурги со своими плохими пьесами, прикрываясь, как щитом, крылатым выражением: «Работа театра с писателем»!

Своевременно ставит Г. Товстоногов вопрос и о режиссерских кадрах. Особенно остро — о «главных»! Призвание — само это понятие почему-то часто выпадает из лексикона творческих работников. А ведь без него нет искусства!

Увы, далеко не каждый может быть «брошен» на этот участок театрального дела. Я имею в виду пост главного режиссера. Вспоминаю случай, почти анекдотичный, который произошел со мной несколько лет назад.

Однажды я был приглашен в отдел кадров нашего министерства, где после некоторой «подготовки» мне было предложено занять пост главного режиссера одного из драматических театров. На мой недоуменный вопрос, почему, собственно, обратились с таким предложением именно ко мне, последовал ответ: «Вы же ставили спектакли!» Я сказал, что да, ставил, но что при этом либо надо мной стоял главный режиссер, либо сам театр был мне по плечу и всецело доверял мне. Тем не менее меня даже склоняли согласиться: в конце концов имеется звание, значит, я смогу выгодно представлять театральную общественность... Так-то и появляются «главные», которые не могут возглавить...

Да! Поразмыслить, подумать — как это важно для художника. И сколько еще проблем в театре требует своего разрешения!

Редакция «Литературной газеты» сделала хорошее дело, начав большой и откровенный разговор о сценическом искусстве. Надо надеяться, что почин этот встретит широкий отклик у работников искусств. Мы привыкли говорить в кулуарах. А нужно говорить в открытую! Говорить о том, что мешает нам работать, что мешает театру стать лучше!

КИЕВ

ЕЩЕ РАЗ: ПОШЛОСТЬ В КРАСКАХ!

ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯ

Сейчас много говорят и пишут об эстетическом воспитании. Это понятно. Мы хотим, чтобы окружающие нас вещи были не только полезны, но и красивы, воспитывали вкус. К сожалению, Изогиз и издательство «Советский художник» далеко не всегда учитывают возросшие эстетические потребности людей. Взять, к примеру, художественные открытки. Многие из них безвкусны, маловыразительны. Блекнут слова поздравления, написанные на такой открытке, и не может она быть вестницей радости и привета. С этой безвкусицей и серостью нельзя мириться! Пусть простая почтовая открытка будет маленьким произведением искусства, радующим и привлекающим людей.

М. ИВАНЮТИН

РОСЛАВЛЬ

ОТ РЕДАКЦИИ. В печати, в частности на страницах «Литературной газеты», уже не раз говорилось о распространении через почту безвкусных открыток и «художественно» оформленных телеграмм. Но, к сожалению, пока положение мало улучшилось.

Почтовые открытки веерами разложены на прилавках киосков «Союзпечати» — подходи, выбирай! Тут и плачущие розы, и сусальные дети, похожие на красивых кукол, и букеты таких цветов, что в природе не встретишь. И люди подходят и покупают открытки с букетом попестрее, с розой помясистее, не замечая того, что открытки эти — такой же символ пошлости и безвкусия, как шеренга слонов на комоде или глиняная кошка-копилка.

Открытки расходятся по стране в миллионах экземпляров. Они могут и должны стать активным средством художественной пропаганды.

Пора подумать и над тем, что должно являться предметом изображения на открытках. Быть может, нужно привлечь к работе над открытной чаших графиков. Ведь не случайно все бо́льшим спросом у населения пользуются эстампы, гравюры.

Художественная открытка ждет своих мастеров.

ТРЕВОГА, РОЖДЕННАЯ ЛЮБОВЬЮ

Юр. ЗУБКОВ

ОТРЫВ и серьезный разговор начала «Литературная газета» статьей Т. Чеботаревской, посвященной сегодняшнему состоянию Художественного театра, судьба которого волнует всех нас. И тем не менее, я считаю, что в этой статье еще не до конца обнаружено то основное звено, найдено то главное, что мешает сегодня работе МХАТа.

Перед XXII съездом партии театр показал три новых спектакля о современности, о советском человеке — «Цветы живые» Н. Погодина, «Над Днепром» А. Корнейчука, «Хозяин» Н. Соболева. Каждый из них имеет право на существование, заслуживает добрых слов, уважения. И все-таки ни один из них, равно как и поставленные ранее «Битва в пути» и «Точка опоры», не стал событием нашей художественной жизни, не вызвал в нас того чувства радостного и удивленного восхищения (прекрасное всегда содержит в себе элементы неожиданности, открытия!), которое мы испытывали на многих прежних постановках художественников. Взятые же вместе, спектакли последнего времени образуют тот самый средний «благополучный» уровень, что нетерпим в творчестве вообще, а в искусстве Художественного театра в особенности.

Я пишу об этом столь откровенно лишь в силу давней и сокровенной своей любви к Художественному театру, который еще в начале века Горький сравнивал с Третьяковской галереей. Василием Блаженным и всем самым лучшим в Москве. Пишу в силу непреклонного своего убеждения, что загонять болезнь внутрь вредно, что правды не надо бояться. Пишу, наконец, и потому, что никак не могу согласиться, что Художественный театр себя изжил, что его нынешнее состояние — процесс естественный, закономерный и чуть ли не диалектический.

Нет, кто бы ни утверждал, что выдающиеся мастера и выдающиеся достижения искусства нашего недавнего прошлого сегодня устарели, согласиться с этим нельзя. Я видел «Врагов», «Любовь Яровую» и «Землю», «Анну Каренину», «Воскресение» и «Трех сестер». Вместе со всеми испытывал на этих спектаклях огромное нравственное потрясение и неповторимое эстетическое наслаждение. Помню эти спектакли, великолепные образы, созданные Хмелевым, Тарасовой, Добронравовым, Грибовым, и поныне, И еще поныне, четверть века спустя, живо в памяти сердца то огромное душевное волнение, которое они рождали.

Да и достаточно вспомнить об успехе последних зарубежных гастролей МХАТа. Это несовпадение оценок, высказываемых у нас и за рубежом, даже, пожалуй, закономерно. То, что для нас недостаточно яркая копия, повторение былых дней и славных традиций коллектива, там, на Западе — открытие, мощный заслон против всевозможного рода попыток опошлить и профанировать театр, вынуть из него живую душу. Ведь неверно было бы, оценивая спектакли Московского Художественного театра по самому суровому, самому взыскательному счету, начисто отрицать человечную основу его искусства, незнакомую многим театрам Запада.

Однако надо быть откровенными: ни один, пожалуй, театр в нашей стране не испытал столь остро влияния культа личности на развитие искусства, как МХАТ. И ни один театр не расплачивается за последствия этого влияния столь жестоко еще и сегодня. Этот воистину редкостный, выдающийся художественный организм в годы культа личности оказался вне критики. И вряд ли исключительность положения способствовала развитию и укреплению критического духа внутри самого коллектива.

Но и рассматривая сегодняшнее состояние Художественного театра как следствие влияния культа личности на развитие искусства, я вовсе не хочу обрушивать на головы театра и его крупнейших мастеров какие бы то ни было ложные или несправедливые обвинения. Нет, все происшедшее и происходящее с Художественным театром — не столько его вина, сколько беда.

Отсутствие критического духа, отношение к подвижничеству в искусстве как к чудачеству — разве это не злейший тормоз в работе творческого коллектива? Ведь нечего греха таить, немного найдется среди мхатовских «стариков» людей, способных оценивать нынешний день Художественного театра так же трезво и беспристрастно, с такой же неприкрытой тревогой и болью, как это сделал В. Орлов в статье «Лицо традиций», опубликованной год назад на страницах журнала «Театр».

Глубоко прав В. Орлов, утверждая, что «актеры... Художественного театра стали терять тот высокий уровень профессионализма, которым всегда был славен МХАТ».

Но в чем же причина?

Ведь времени для того, чтобы расстаться с некритическим отношением к своему творчеству, трезво и открыто взглянуть правде в глаза, прошло более чем достаточно.

Может быть, в том, что ушло из жизни старшее актерское поколение. Леонидов, Качалов, Москвин, Тарханов, Книппер-Чехова, Лилина? В том, что ушли выдающиеся художники среднего поколения Хмелев и Добронравов? Но ведь живы и поражают сегодня замечательными сценическими открытиями Тарасова и Андровская, Топорков и Ливанов, Орлов и Степанова, Зуева и Яншин. Не оскудели талантами и новые актерские поколения!

Не раз приходилось слышать, что якобы истоки многих бед театра коренятся в отсутствии талантливой, яркой драматургии. С этим можно было бы согласиться, лишь забыв, с одной стороны, о тех талантливых пьесах, мимо которых прошел в последние годы МХАТ, и с другой, — о том, что и «Бронепоезд 14-69», и «Земля», и многие другие спектакли создавались театром на основе произведений прозы.

Не хотелось бы, раздумывая над репертуарной линией театра, упрекать его за отсутствие последовательности. Хочется видеть в обращении МХАТа к Шекспиру и Шиллеру стремление расширить свой творческий диапазон, овладеть своеобразными подступами к решению героической темы. Однако уловить последовательную, строго продуманную линию театра в подборе пьес современных советских авторов трудно. У МХАТа были и в далеком прошлом и в недалеком свои авторы, кровно близкие ему: Чехов, Горький, Леонов, Булгаков... А сегодня? Сегодня выбор ряда пьес и ряда названий случаен. Нельзя же, к примеру, всерьез считать мхатовской пьесой посредственный водевиль В. Раздольского «Дорога через Сокольники». На иных спектаклях художественников обращает внимание «первозданность», неуклюжесть очевидных драматургических просчетов, шаблонность языка героев, прямолинейность многих ситуаций и образов. И раз от разу убеждаешься в том, что авторские просчеты, которые замечает неискушенный зритель, оказываются незамеченными крупнейшими мастерами Художественного театра.

ОДНАКО авторские просчеты — просчетами. А как объяснить то жестокое поражение, которое потерпели мхатовцы, обратившись к пьесе Артура Миллера «Смерть коммивояжера»? За недостатками пьесы здесь не укроешься. Миллеровская пьеса обладает рядом бесспорных художественных достоинств, — еще свежа в памяти замечательная ее постановка Ленинградским театром имени Пушкина.

И сейчас я подхожу, вероятно, к одной из самых существенных причин нынешнего положения МХАТа — к отсутствию в театре режиссуры, способной сплотить и целенаправить коллектив, увлечь его своими творческими замыслами, видением будущего спектакля, организовать спектакль как единое целое помочь актерам проникнуть в глубины человеческого характера.

Мне уже приходилось писать о том, что на афишах Художественного театра значатся сегодня имена многих актеров выступающих в качестве режиссеров, не имея на то — если опять говорить откровенно — ни достаточных оснований, ни достаточных прав. Я не против приобщения актеров к режиссуре вообще. Известно, что именно из актерской среды вышли все или почти все выдающиеся режиссеры нашего времени: Станиславский, Вахтангов, Мейерхольд, Попов, Дикий, Завадский, Охлопков, Симонов... Но надо ли доказывать, что далеко не каждый актер, даже очень опытный и талантливый, обладает возможностями стать режиссером.

В своем большинстве актеры-художественники, перешедшие сегодня на режиссерскую работу, имеют довольно солидный стаж и опыт преподавательской работы. Однако достаточно ли опыта работы с учениками, особенно, если учесть обычно довольно скромные результаты этой работы (я говорю о спектаклях учащихся старших курсов театральных вузов), для того, чтобы иметь право быть режиссером, постановщиком в Московском Художественном театре? Вряд ли есть смысл ломиться в открытые ворота и убеждать, что режиссер — это профессия, самостоятельная профессия, а не производное от актера или преподавателя актерского мастерства.

А ведь смотришь на афиши иных мхатовских спектаклей последнего времени, раздумываешь над самими этими спектаклями и убеждаешься в справедливости наблюдения Г. Товстоногова, что «никакая другая профессия не дает такого простора для дилетантизма, как профессия режиссера». Ведь и в самом деле, многие из спектаклей МХАТа, к сожалению, подтверждают правоту товстоноговского наблюдения, что человеку «средней интеллигентности и культуры... если он к тому же поднаторел в театральной терминологии, если он в курсе момента и конъюнктуры... довольно несложно выглядеть режиссером».

Целый комплекс проблем возникает в связи с раздумьями о судьбе Художественного театра. Но не решив проблему проблем нынешнего МХАТа — **проблему режиссуры**, не решишь и ни одной другой.

Говоря о забвении традиций Станиславского и Немировича-Данченко, Хмелева и Добронравова, В. Орлов пишет о равнодушии и скептицизме, которые, как короста, поражают целые актерские поколения. И это наблюдение — справедливо, а явление — опасно. Но кто, спрашивается, повинен в этом актерском равнодушии, в ремесленном отношении актера к своей профессии, к своему призванию? Сами актеры? Бесспорно. Но не они одни, а и режиссура театра, не зажигающая актеров новыми общественными и художественными идеями, не волнующая, не будоражащая их увлекательными перспективами новых свершений в искусстве.

Как можно мириться с тем, что многие высокоодаренные, опытнейшие мхатовские актеры годами не работают над новыми ролями, что их творческие силы, не находя себе применения, чахнут? Как можно мириться с тем, что многие актеры отдают театру лишь малую часть своей души и малую толику своего времени? Преподавательская деятельность, съемки в кино, выступления на радио, телевидении, эстраде... И кому, как не режиссуре театра, не его руководству, надлежит всерьез задуматься над тем, а всегда ли полезно, всегда ли плодотворно подобное совместительство? Не охлаждает ли оно порой актерские души, не распыляет ли внимание и силы, не наносит ли трудновозместимый урон театру? Какого еще иного отношения, кроме равнодушного, можно ждать от актера, коли он или годами простаивает, или в силу великой своей перегруженности не имеет времени для творчества!

Не отрицание тем или иным критиком или деятелем искусства МХАТа, его права на жизнь определяет общее отношение к Художественному театру, а терпение, понимание справедливости давних уже теперь слов Станиславского о том, что пути, избранные Художественным театром, трудны, «требуют вдумчивости, осторожности, постепенного, систематического, тщательного, часто научного изучения и такой же тщательной проверки найденного на практике». Но осторожность в данном случае не есть нечто противоположное смелости и дерзанию, систематичность и углубленность — интенсивности работы.

Сегодня нельзя заслоняться именами Станиславского и Немировича-Данченко, рассматривая себя лишь их душеприказчиком. Необходимо каждому чувствовать личную ответственность за судьбы того дела, которое было начато *более шестидесяти лет назад великими основателями Московского Художественного театра.*

Реплика художника

(К спорам «Машина и человек»)

НА СВОБОДНУЮ ВАКАНСИЮ

— Восхитительно! Так трогательно... Я согласна с профессором: вы достойны занять у нас место младшего преподавателя.

ДВОЙКА. ЗА ЧТО!

— Ты сказал, что лягушка — теплокровное животное?
— Нет.
— Ты сказал, что кит — это рыба?
— Нет, я сказал, что только человек умеет думать.

Рисунки И. Оффенгендена

ЗАМЕТКИ КРИТИКА

О «личном вкусе» и объективности

Ю. БАРАВАШ

...КРИТИКУ было по душе, как пишет Виктор Некрасов, и не нравилась манера Олеся Гончара...

Впрочем, уместны ли эти слова — «нравилось» и «по душе» — в разговоре о литературной критике, где одной из высших добродетелей мы привыкли считать строгую объективность?

Вопрос не праздный. К числу едва ли не самых живучих литературных предрассудков, бытующих как в профессиональной, так и в читательской среде, относится взгляд на критика как на человека, не имеющего права на субъективность, не высказывающего свое мнение, а лишь излагающего некую абсолютную истину. Предрассудок этот пышно расцвел и укрепился в период культа личности, и горький парадокс заключался в том, что происходило это как раз в те годы, когда многие неожиданные повороты на пути нашей культуры зависели от личных вкусов одного человека...

Отошло в прошлое то, что рождало подобную атмосферу в литературе и искусстве, хотя, право же, преждевременно было бы полагать, что и со всеми литературными предрассудками покончено навсегда. Это относится, между прочим, не только к такой застарелой хвори нашей критики, как «мнениебоязнь», но и к такому довольно распространенному предрассудку, как уверенность в том, что плодотворно любое мнение, лишь бы оно было «своим».

Вот об этом предрассудке и хочется поговорить...

ИТАК, критику нравились книги одного писателя и не нравились книги другого. Что ж, на вкус, на цвет, как говорится, товарища нет. Эстетические симпатии тоже входят органической составной частью в сложное понятие «мир критика», не уважать который и не считаться с которым нельзя.

Но в том случае, когда критик эти свои субъективные симпатии делает единственным критерием, когда милый его сердцу писатель или стилевое течение превращается для него в эстетический абсолют, заслоняющий реальное многообразие и богатство литературного процесса, с критиком следует и поспорить. Ибо в этом случае речь идет уже не о субъективности, которая в общем не противоречит объективному анализу, а о субъективизме и своего рода критическом произволе.

Ведь что делает, например, Б. Костелянец в статье «Духовный облик героя (Из опыта послевоенной литературы)», которая вошла в его книгу «Творческая индивидуальность писателя»? Анализируя сильные и слабые стороны двух таких талантливых и несхожих произведений о войне, как «В окопах Сталинграда» В. Некрасова и «Знаменосцы» О. Гончара, критик строит все свои рассуждения на противопоставлении, на «сталкивании» разных писательских манер. Он считает, что «в нашей литературе идет сложный и плодотворный для ее развития спор (подчеркнуто мною. — Ю. Б.) между писателями разной индивидуальности, разных стилевых манер, разных способов восприятия и художественного воплощения нашей действительности». И к этому спору критик охотно подключается, стараясь почему-то «переспорить» О. Гончара и ту стилевую линию, которую этот писатель представляет. Правда, Б. Костелянец признает, что «стремление Гончара к романтическому «преображению» мира» вполне «закономерно», но — бог мой — какими оговорками обставляет он это признание! Мы узнаем, что герои «Знаменосцев» чрезмерно экспансивны, многословны и недостаточно индивидуализированы; что писатель не показал «развитых взаимоотношений» между ними; что, наконец, роман, в сущности, бесконфликтен, ибо Гончару вообще будто бы «кажется, что героической эпопее противопоказано изображение конфликтов»...

Способ «обоснования» всех этих упреков прост — противопоставление «Знаменосцам» произведений совершенно иного плана, как, скажем, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова или «Фронт» А. Корнейчука. К нему и прибегает Б. Костелянец, хотя куда убедительнее было бы другое: попытка проанализировать специфические методы типизации и индивидуализации у художников такого склада, как Гончар, присмотреться к характеру конфликтов, которые легли в основу таких разных произведений, как те же «Знаменосцы» и «Фронт».

Ну, хорошо, сдержанная манера В. Некрасова гораздо ближе критику, чем эмоционально насыщенное лирическое письмо О. Гончара, — здесь сказываются особенности понимания литературы, личный художественный вкус, индивидуальные склонности, наконец. Неправ Б. Костелянец в другом — более важном. Я думаю, ничего не дает нам разговор о «споре» между разными стилевыми течениями. В советской литературе идет не «спор», не «полемика» между различными творческими манерами, — такая постановка вопроса предполагала бы неизбежную «победу» какой-либо из этих манер (а ничего более неверного для нашего искусства вообразить невозможно!). Идет процесс плодотворного развития и — одновременно — взаимообогащения различных стилевых течений, и именно в этом — залог богатства, многообразия, силы нашей литературы.

Жаль, что автор интересной в целом книги, которая не зря названа «Творческая индивидуальность писателя», где немало примеров объективного, точного и тонкого художественного анализа, в данном случае отступил от собственного замысла.

НАВЕРНОЕ, это неизбежно — всякое развитие, всякое движение вперед не обходится без издержек. К числу таких издержек благотворного процесса преодоления критической догматизма, сковывавшего ее в период культа личности, я бы и отнес те элементы субъективизма, которые в последнее время нет-нет и выплывают на поверхность в наших спорах о литературе.

Но вот что поучительно: субъективизм в критике, поднявшись на гребне, так сказать, антидогматической волны, будучи своего рода реакцией на навязшие в зубах эстетические догмы, оказался, по сути, не столько антиподом догматизма, сколько оборотной его стороной, догматизмом наизнанку, — та же регламентация художника, то же игнорирование его замысла, то же навязывание искусству умозрительных схем.

...Статья И. Борисовой «Чего хочет победитель?» («Литературная газета», 19 апреля 1962), на первый взгляд, решительно противостоит традициям догматической критики, во всяком случае, некоторым из них: мы не обнаружим в ней ни цитатничества, ни прямолинейного комментаторства. Автора трудно упрекнуть в несамостоятельности мышления, в тяготении к ходячим схемам. Молодой критик, отталкиваясь от повестей В. Конецкого и Ю. Семенова, строит свою, довольно последовательную концепцию современного молодого героя, и это стремление, разумеется, заслуживает само по себе всяческой поддержки (хотя концепция героя, на мой взгляд, спорна: но сейчас — не об этом). Беда, однако, в том, что критик делает это, именно «отталкиваясь» от произведений...

И что же?

Увлеченная своей мыслью, И. Борисова рассматривает «Завтрашние заботы» В. Конецкого и повесть Ю. Семенова «...При исполнении служебных обязанностей» лишь как иллюстрации к собственным построениям. Глеб Вольнов и семеновский Богачев интересуют ее только теми своими чертами, которые «ложатся» в концепцию. Образ героя как художественное целое, сложная взаимосвязанность всех компонентов произведения, наконец, довольно существенные различия в характерах двух героев — все это не только остается вне анализа И. Борисовой, но даже косвенно не оказывает на этот анализ никакого влияния, попросту игнорируется критиком.

Да, повести В. Конецкого и, в особенности, Ю. Семенова заслуживают серьезного критического разговора; надо бы, например, откровенно сказать Ю. Семенову о том налете литературщины, книжности, мнимой многозначительности, которые портят его повесть. Словом, не оградить молодых писателей от критики хочется, а оградить их от попыток «подверстывать» ту или иную книгу под весьма произвольные субъективные схемы, которые, право же, ничем не лучше безликих «установок» и вульгарно-социологических трафаретов...

Все это, между прочим, относится и к «критике критики». Вот вышла, скажем, в минувшем году книга Ю. Борева «О трагическом» — плод серьезного труда. Правомерно поспорить со взглядами Ю. Борева; при этом спор должен идти по главной линии книги, оппонент обязан исходить из ее замысла (пусть даже критикуя этот замысел), тщательно и добросовестно прослеживая ход авторской мысли, всю систему его аргументации, чтобы именно с этих позиций вести полемику с автором. Но куда проще сделать так, как сделал С. Артамонов, автор статьи «На всякого мудреца...» («Литература и жизнь», 20 мая 1962): чрезвычайно произвольно вырвать из книги какие-то мысли, крайне приблизительно их изложить и затем — отвергнуть, к тому же в легкой фельетонной манере. Сделать так можно, но кому это нужно? Пользы такая критика не принесет ни автору книги, ни читателю, ни литературе.

ВРОДЕ бы совсем иным путем идет способный молодой критик И. Роднянская в статье «О беллетристике и «строгом» искусстве» («Новый мир», № 4, 1962). В самом деле, все внимание И. Роднянской как раз сосредоточено на анализе таких тонких и непросто определяемых эстетических понятий, как замысел художника, пути воплощения этого замысла, и критику здесь удается многое: страницы, посвященные повестям Э. Ставского «Все только начинается», Г. Владимова «Большая руда» и рассказу В. Богомолова «Иван», по-моему, просто отличны.

Но что происходит на других страницах, скажем, там, где речь идет о повести В. Бедного «Девчата»? Пытаясь нащупать действительно трудноуловимую и «неопределимую» грань между беллетристикой и строгим искусством, И. Роднянская стремится доказать, что для этого вполне достаточно проанализировать «авторский слог», «словесные признаки». Шаткое основание! Такой подход открывает широкий простор чисто личным, вкусовым критериям. Как только не препарирует, как только не поворачивает критик буквально каждое слово первых страничек этой повести! Бедный автор, написавший, по признанию И. Роднянской, «кусок добротной прозы», предстает перед нами почему-то этаким профессионально подкованным хитрецом, коварно завлекающим читателя в беллетристические дебри. Даже точность, с которой подобраны глаголы, оказывается точностью «самоцельной и рассчитанной». Даже добрая авторская улыбка, симпатичная юмористическая

(Окончание на 4-й стр.)

ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС ЗА ВСЕОБЩЕЕ РАЗОРУЖЕНИЕ И МИР
Москва, 1962

ВОПРОС ВОПРОСОВ: РАЗОРУЖЕНИЕ

Анкета «Литературной газеты»

ЖИЗНЕННО ВАЖНАЯ ПРОБЛЕМА

Сардар Хукам СИНГХ,
председатель Народной палаты парламента Индии

Я приветствую инициативу «Литературной газеты», устраивающей дискуссию о всеобщем разоружении. Мне хорошо известно, что советский народ горячо стремится к такому разоружению. Вам же хорошо известна точка зрения нашей страны и наших руководителей. Народ Индии страстно желает, чтобы всеобщее и полное разоружение было достигнуто как только можно скорее.

Индийские руководители делают все от них зависящее, чтобы помочь великим державам, которые играют в настоящий момент решающую роль, договориться по этому жизненно важному вопросу. Либо мирное сосуществование, либо всеобщее уничтожение — такова стоящая перед нами альтернатива.

К сожалению, несмотря на то, что общественное мнение во всех странах, широкие массы выступают в поддержку разоружения, до сих пор не достигнуто соглашение, которое принесло бы облегчение миролюбивым народам. Мы все же надеемся, что все, кого это касается, осознают насущную важность этой проблемы. Тогда никакие соображения престижа не помешают достижению соглашения, которое оказалось бы приемлемым для всех и приблизило бы нас к нашей заветной цели.

НЬЮ ДЕЛИ

ВРЕМЯ НАСТАЛО

Джакомо КАРБОНИ,
итальянский генерал

Гигантский размах производства атомного и других типов вооружения в противостоящих мировых лагерях; тот факт, что проблема войны, несмотря на наличие в сегодняшнем мире множества других серьезнейших проблем, все больше и больше приковывает к себе внимание; природа и масштабы враждующих союзов, скрепленных в значительной мере страхом перед войной; небывалое развитие тех областей производства, которые связаны с подготовкой к войне, — все это на первый взгляд может показаться решающим и смутить тех, кто задумывается сегодня над практической возможностью осуществления великой мечты о всеобщем разоружении.

И все же существует ныне на земле одно очень важное, абсолютно новое явление, делающее закономерной возможность и практическую необходимость разоружения.

Это абсолютно новое явление — техническое усовершенствование ядерного оружия. Оно делает невозможной войну как средство обеспечения победителю преимуществ, адекватных принесенным жертвам. Сегодня ядерная война может обеспечить враждующим сторонам лишь взаимное истребление. Иными словами, война становится просто актом величайшего человеческого безумия.

Чем же еще, как не проявлением слепоты мысли, является неограниченное наращивание атомной и ядерной военной мощи? Если уже достигнуты возможности уничтожить противника, кому нужно стремиться к возможностям сверхуничтожения?

Исходя именно из этой логической предпосылки, мир должен и может найти самый убедительный довод в пользу разоружения. Все то, что делается теперь для гонки вооружения, — абсурдно и опасно: разумно и полезно лишь разоружение. Но резкий поворот в этом направлении мог бы создать чрезмерный разрыв, вакуум в развитии мировой экономики...

Необходимо изучать средства и формы, которые могли бы предотвратить такой неожиданный крах. Изучение это больше, чем что-либо другое, вопрос доброй воли, но настало уже время рассмотреть и разрешить эту проблему. При худшем из вариантов человек будет выбирать между миром, разрушенным ядерной войной, и миром, потрясенным кризисом крупного военно-промышленного потенциала; между миром, в котором все живое погибнет навсегда, и миром, в котором военная промышленность должна будет перестроиться или исчезнуть, чтобы дать человечеству возможность вычеркнуть войну из жизни общества.

РИМ

НЕ ВИЖУ ВОЗМОЖНОСТИ...

Дэвид ЛОУРЕНС,
американский публицист

Отвечая на вашу просьбу высказать мое мнение по вопросу о том, «возможно ли разоружение в настоящее время или в ближайшем будущем», я, к сожалению, должен сказать, что не вижу такой возможности. Ведь для достижения международного соглашения необходимо, чтобы обе стороны проявляли добросовестность. К несчастью, памятуя о том, что Советское правительство неоднократно нарушало соглашения, многие в Соединенных Штатах считают, что договор о разоружении не стоил бы и бумаги, на которой он был бы написан.

Кроме того, нам, американцам, нелегко поверить слову правительства, которое не верит в бога и которое, на наш взгляд, не верит в нравственность.

Разоружение будет осуществлено только при наличии добросовестности, а ее нельзя будет обеспечить до тех пор, пока коммунистическое правительство решительным образом не переменит своего отношения к собственным обязательствам, даваемым в письменной форме. Мы считаем, что если бы народ Советского Союза имел демократическое правительство и избирал своих должностных лиц путем свободных выборов, можно было бы достигнуть прогресса в деле установления добросовестности и взаимного доверия.

ВАШИНГТОН

НАЧНИТЕ—И ВОЗНИКНЕТ ДОВЕРИЕ

Бертил СВАНСТРЕМ,
шведский общественный деятель

Разумеется, я убежден в том, что всеобщее разоружение достижимо в ближайшем будущем. И вот почему: альтернатива всеобщего разоружения — всеобщее уничтожение. Это настолько очевидно, что все, кто имеет к этому непосредственное отношение, должны ясно сознавать: откладывать на отдаленное будущее разоружение — значит ставить под угрозу само существование человечества. Если гонка вооружений будет продолжаться, то, по мнению ученых, ядерная война разразится еще до 1970 года. Наверное, ученые правы. Таким образом, если нам повезет, у нас впереди восемь лет, в течение которых мы должны осуществить разоружение. Правительства как на Востоке, так и на Западе несут серьезную ответственность перед своими народами за дело разоружения. Они не вправе медлить. Ведь медлить — это обманывать и себя, и народ.

Конечно, разоружение — задача не из легких. Но поскольку его альтернатива — уничтожение, никакие уступки и никакие жертвы не могут считаться слишком большими. Когда дело идет о жизни или смерти, идеологические разногласия должны отступить на задний план. Будет мир — будет возможно сосуществование, начнется война — это будет означать совместную гибель.

Некоторые говорят: между Востоком и Западом нет взаимного доверия, и поэтому невозможно начать разоружение. Действительно, пока продолжается гонка вооружений, ни о каком доверии не может быть и речи. Но как только начнется разоружение, взаимное доверие станет возрастать, а массы народные, которые сейчас живут в атмосфере постоянного страха, воспрянут духом.

Начать разоружение можно было бы с ядерного оружия. На мой взгляд, все испытания этого оружия губительны, ибо они приводят лишь к усилению гонки вооружений. За советскими испытаниями осенью 1961 года последовали американские испытания весной 1962 года, за которыми, возможно, последуют новые советские испытания осенью 1962 года, за которыми в свою очередь последуют... и так далее, и тому подобное. А ведь это не путь к миру. Пусть правительства хорошо усвоят это и прибегнут к противоположному образу действий. Пусть они всерьез начнут разоружаться — сначала немного, потом еще немного, потом еще и еще.

Это единственный путь. Правительства должны стать на него. Если они не поступят таким образом, то они совершат предательство по отношению к нам, народам.

СТОКГОЛЬМ

МНЕНИЕ ОПТИМИСТА

Алан СИЛЛИТОУ,
английский писатель

Прежде всего для меня яснее ясного, что к разоружению стремится не только советский народ, но и народы всех стран. В капиталистических государствах атомная война угрожает отнять у простых людей жизнь, у собственников — жизнь и собственность. Все погибло бы в пучине атомной войны, и это известно каждому. Правда, некоторые экстремисты придерживаются иного мнения на этот счет, но надежда на разоружение растет и ширится.

Считаю ли я разоружение возможным? Я оптимист и посему верю в возможность разоружения. Но оптимистам часто не хватает терпения для углубленного изучения вопроса. Обычно они принадлежат к категории людей, не способных справиться со сложными и масштабными проблемами разоружения. Оптимисты могут лишь способствовать созданию атмосферы, в которой разоружение оказалось бы осуществимым, подобно тому, как писатели и деятели искусств обычно способствуют распространению духа гуманности, необходимого для продолжения жизни на земле.

Итак, как писатель и как оптимист, я выражаю веру в желательность и осуществимость разоружения. А теперь пусть скажут свое слово реалисты и дипломаты и доведут до конца дело, давным-давно начатое оптимистами.

ЛОНДОН

Спасибо за откровенность, г-н Лоуренс!

Ответ противника разоружения Д. Лоуренса — хотя он пронизан лютой злобой и нашей стране — заслуживает внимания широкого круга читателей. Поистине, это самое откровенное изложение позиции влиятельнейших кругов США. Они — против разоружения. Они — за сохранение международной напряженности и гонки вооружений, не только приносящей огромные доходы монополиям США, но и помогающей им закабалять слабые страны в Латинской Америке, Азии, Европе...

Отвергая идею всеобщего разоружения, г-н Лоуренс выдвигает «условия», на которых он и его хозяева согласились бы сменить гнев на милость. Условий в основном два: мы, советские люди, должны уверовать в бога и заменить существующий у нас строй строем, подобным американскому, якобы «демократическому» и «свободному».

Но ведь вера в бога не помешала правительству США нарушить торжественно подписанные им соглашения в Потсдаме о демилитаризации и демократизации Германии, вооружать — вопреки этим соглашениям — западногерманских милитаристов-реваншистов. Вера в бога не мешает этому правительству взрывать ядерные бомбы в космосе — вопреки обязательству, им самим принятому,—работать совместно с Советским Союзом над мирным изучением космоса.

Мы — за укрепление доверия между нашими государствами. И мы не ставим условием перемену общественного строя США. Письмо г-на Лоуренса не подымает авторитета этого строя в наших глазах. Ведь нам известно из многочисленных сообщений зарубежных агентств, подавляющее большинство американского народа все решительнее и решительнее требует от своего правительства согласиться на разоружение, прекратить испытания ядерного оружия. Одиако те, кому принадлежит власть в США, не прислушиваются и этим народным требованиям. Разве это демократия?

Недоверие велико и взаимно. Одиако обе стороны должны сейчас приложить все силы и преодолению этого недоверия, к разрядке напряженности. Советская сторона делает для этого все возможное.

Разве это не сказочно?

Письмо Матэ Залка Николаю Островскому

11 июня 1937 года в Испании под Уэской погиб замечательный венгерский писатель Матэ Залка, легендарный генерал Лукач, командир интернациональных бригад, несгибаемый борец против фашизма и войны.

Память о Матэ Залка бесконечно дорога всем честным людям нашей планеты. Узы братства и дружбы связывали его со многими советскими писателями. В личном архиве Матэ Залка сохранились письма, адресованные его советским и зарубежным друзьям. С любезного согласия вдовы писателя Веры Ивановны Залка мы печатаем сегодня его письмо Николаю Островскому. Письмо публикуется с небольшими сокращениями.

Москва, 25.II.35 г.

Дорогой Николай!

Наша переписка оборвалась. Что ты не пишешь, это понятно, но почему я перестал писать? Это надо выяснить. Сегодня я подверг себя допросу — допросу строгому и пристрастному, и произошел у меня следующий диалог с самим собой:

— Залка, почему вы не пишете Островскому в последнее время?

Молчание. Залка смотрит в землю. Ему неловко. Он проводит правой рукой по небритому подбородку и, сопя, молчит.

— Видите ли... — начинает он и умолкает.

Допрашивающий не торопит, он относится к Залка не враждебно, скорее дружелюбно. Пусть человек подумает, суммирует и откровенно, прямо, чистосердечно выскажет все, что думает о своем нехорошем поступке.

— М... да! Я, видите ли, всегда считал себя немного виноватым перед Островским. Ведь мы с ним встретились впервые на страницах «Молодой гвардии», где он печатал «Как закалялась сталь», а я — свои «Кометы». В то время Аннушка Караваева несколько раз просила меня: «Давай, Матэ, поедем к Островскому. Он интересуется тобой, читает твой роман, и ему очень нравится. Потом, Матэ, надо помочь Островскому в жилищном отношении. Ведь ты строишь дом, дом писателей». Я обещал Аннушке Караваевой навестить Островского. Два раза уже почти собрались, да в последнюю минуту то Аннушку в ЦК вызвали, то меня задержали неотложные дела. Так я жестокой московской суете и не посетил я Островского. Так и в жилищном азарте не подумал я о товарище. И так Островский уехал в Сочи, где мы встретились с ним только в 1933 году, когда я лечился после своего автомобильного «карамболя».

И... когда я в первый раз зашел на Ореховую улицу, я испытывал чувство стыда. Да, стыда. Но Николай встретил меня хорошо, тепло, без упреков.

Наша первая встреча с Николаем не была знакомством. Это была встреча давно знающих друг друга близких друзей, и мы с первого слова как бы продолжили давно начатый и незаконченный разговор.

Ушел я от Островского, как уходит провинившийся комполка от боевого начдива, который вместо проборки встретил его дружеским разговором.

Впечатление, которое произвел на меня Островский, можно назвать резко контрастным. И главным образом оно было ободряющим. То, что Николай лежит, что он разбит, не видит и т. д. — все это внешнее. Сущность: это силач, доблестный парень, боец, да в нем все еще чувствуется красноармеец. Он полон жадностью к жизни и любовью к тому, что творится вокруг. А то, что физически он таков... Это кажется даже ерундой, атрибутом, правда, страшноватым, но преодолимым, временным и, безусловно, не окончательным.

С этого дня я стал бывать у Николая ежедневно и следил только за тем, чтобы не надоедать ему.

Расставались мы с Островским осенью 1933 года. Больно кольнули меня его слова:

— Хочется в Москву, Матэ, ведь мне осталось немного лет. Хочется в Москву.

А потом пришла «Правда».

Никогда в жизни ни одна газета мне так не импонировала, как наша «Правда», но на этот раз я был просто потрясен. Островский наконец был открыт. Открыт не как Америка, не как Северный полюс, а как торжество мужества нашей страны, нашего советского народа, нашего поколения.

Я получил от Николая письмо, в котором он растроганно писал о посещении товарища Петровского. Григорий Иванович поцеловал Островского и сказал: «Продолжай жить и зажигай сердца!» Эти слова Николай принял как девиз и с восхищением писал мне об этом.

...Допрашивающий внимательно выслушал взволнованную и немного несвязную речь Залка.

— Ну и дальше? Ваше переписка кончилась?

— Нет, когда Николая наградили орденом Ленина, я послал ему телеграмму. Я воскликнул: «Есть на свете Москва!!!» Я послал телеграмму, я ликовал. Тогда сотрудник «Литгазеты» пристал ко мне, чтобы я написал об Островском. Я отказывался, писать не хотелось, хотелось радоваться без пера и чернильницы, но продолжали приставать. Я написал. Получилась «статья», и плохая статья. То, что я писал в ней от сердца, редакция срезала. И вот с тех пор... с тех пор Николай мне не пишет. Может быть, он рассердился на меня... Может быть, устал... А я, по правде говоря, стал о нем скучать, даже думал: «Не прокатиться ли к нему в Сочи?» А потом решил: «Нет, народу у него теперь и без меня много». Ну, а сегодня читаю в газете, что Григорий Иванович Петровский едет в Сочи и лично вручит Островскому орден.

...Сказки всегда, с самого детства, заменяли мне миф о боге. Вернее, миф о боге я воспринимал так же, как сказку.

Мне нравились сказки героические. Едет рыцарь, встречает своего врага. Враг лютый, враг страшный, он разрубает рыцаря на мелкие куски. Но приходит добрая фея, посланная любимой девушкой, и собирает куски изрубленного рыцаря. Собирает куски в шелковый плащ. Фея знает чудодейственное слово, она шепчет это слово над плащом с фаршмаком из рыцаря — и вот... он встает, встает в этом плаще и улыбается... он даже помолодел, похорошел...

Когда я думаю об Островском, мне вспоминается эта сказка.

Островский пока еще болен, но за него уже взялись, фея уже разыскала его. Его собирают в плащ, в чудесный плащ. Фея знает магическое слово, от которого Островский встанет на ноги, помолодевший, красивый, с орденом на груди. Это чудодейственное слово: любовь, безграничная любовь советского народа.

Коля! Допрос окончен.

Я долго не писал тебе. С тех пор ты из рядового советского писателя превратился в народного героя. И это в какие-нибудь три-четыре месяца. Разве это не сказочно? Разве это не замечательно? Разве это не чудесно?

Целую и поздравляю. Передай привет маме, сестре и племяннице.

Твой МАТЭ.

На анкету отвечают:

САРДАР ХУКАМ СИНГХ — индийский политический деятель, председатель Народной палаты парламента Индии. Автор книги «Положение сиков». В 1950 году был избран председателем партии «Акали», от которой баллотировался в парламент. С. Х. СИНГХ дважды посетил Советский Союз.

БЕРТИЛ СВАНСТРЕМ — шведский общественный деятель и журналист, председатель партии «Прогрессивный союз». Он один из инициаторов создания в Швеции комитета «Поход против атомного оружия».

ДЖАКОМО КАРБОНИ — итальянский генерал. Он — постоянный обозреватель по международным вопросам прогрессивной газеты «Пазе сэра».

АЛАН СИЛЛИТОУ — молодой английский писатель, автор пользующихся в Англии успехом романов «В субботу вечером, в воскресенье утром», «Ключ от двери» и других произведений.

ДЭВИД ЛОУРЕНС — американский журналист, редактор журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Этот журнал и его редактор, как правило, проповедуют крайне реакционные взгляды по всем вопросам международной политики и являются выразителями мнений большого бизнеса и агрессивной военщины.

РЕПОРТАЖ ИЗ ЧИЛИ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Зато звание «короля переводчиков» уже присуждено. Его удостоился 18-летний чилиец Сегу-Ардо Санчес. Когда на комиссии, набиравшей переводчиков, Санчеса спросили: «Сколько языков вы знаете?» — он ответил: «Пока столько, сколько мне лет — 18».

Вернемся, однако, к самим соревнованиям. Завершился первый этап чемпионата: состоялись последние игры в подгруппах. Определились все участники четвертьфинала. В Арике будут играть команды СССР и Чили, в Ранкагуа — Венгрии и Чехословакии, в Сант-Яго — ФРГ и Югославии, а в Винья-дел-Мар — Бразилии и Англии.

Что можно сказать о последней игре сборной команды Советского Союза? По общему мнению, наша команда играла дружно и самоотверженно. Особенно хочется похвалить Игоря Нетто. Наш капитан и лучший полузащитник был не только душой команды, но и настоящим организатором ее оборонительных действий и ее атак.

Победа над уругвайцами была одержана, как известно, на последней минуте матча. Вратарь Роберто Соса с огромным трудом парировал пушечный удар Виктора Понедельника, но точнее Валентин Иванов, опередив на какую-то долю секунды защитника уругвайской команды, неотразимым ударом послал мяч в сетку ворот.

Как оценивают игру советской сборной зарубежные спортивные обозреватели? Аугусто Шанец Коста — спортивный редактор перуанской газеты «Хроника» сказал мне: «Советская сборная играла спокойно, без лишнего риска и заслуженно сумела выйти в четвертьфинал».

А вот мнение спортивного обозревателя уругвайской газеты «Эль Популар»:

«Прежде всего необходимо отметить корректность игры советских и уругвайских футболистов. Несмотря на то, что для обеих команд эта встреча имела огромное значение, все было очень спортивно и во время матча не возникло никаких инцидентов. Победа советской команды отражает действительное соотношение сил на футбольном поле. Сборная Советского Союза — одна из лучших футбольных команд мира».

Первое место в подгруппе возвело советских футболистов в ранг хозяев поля на стадионе Арики. Положение обязывает. Но ведь «гостями» будут сами чилийцы: вчера сборная Чили прибыла в Арику, где встретится 10 июня с советской сборной в матче за право выхода в полуфинал.

Скажем прямо, игра будет не из легких. Во-первых, команда Чили — волевая и высокотехничная, а во-вторых...

...Перед отлетом в Арику чилийский тренер Фернандо Риера решил «подогреть» страсти чилийских болельщиков. Он заявил корреспондентам, что одиннадцатиметровый удар, который позволил команде ФРГ вырваться вперед, был необоснованным. «Во всяком случае, — сказал Риера, — это показывает, что у нас в стране можно присуждать совершенно неправильные одиннадцатиметровые удары против нашей национальной сборной команды, не боясь, что произойдет какой-нибудь инцидент».

Что и говорить, интервью с прицелом!

К сказанному можно добавить, что четвертьфинальный матч сборных команд СССР и Чили будет проходить на маленьком футбольном стадионе «Карлос Диттборн», где каждый счастливый обладатель билета будет «болеть» не только за себя, но и за своих менее удачливых сограждан. Энтузиазм чилийских болельщиков велик и вполне понятен. Однако специалисты отдают должное силе нашей сборной и понимают, что борьба будет очень серьезной. Достаточно сказать, что во вчерашнем номере газеты «Ланасьон» (Сант-Яго) опубликованы составы «идеальных сборных команд» подгрупп и в «идеальную сборную» арикской подгруппы газета включила Мясленкина, Нетто, Метревели, Понедельника, Иванова, Хусаинова и Мамыкина. Это очень высокая оценка!

Чемпионат вступил в решающую фазу. Начинается настоящая кубковая игра. Ничьи — невозможны, поражения — недопустимы.

Читателям «Литературной газеты», вероятно, будет интересно узнать, чем занимались вчера наши футболисты. Большинство игроков уехало в город — в кино. Игорь Нетто и Слава Метревели расставили шахматы и начали очередной матч. Шахматы, пожалуй, самая популярная игра в нашей команде (разумеется, после футбола). А Алексея Мамыкина и Валентина Иванова атаковал Николай Озеров, записывая на магнитофон их впечатления об игре с Уругваем. Свою запись, которая, вероятно, уже прозвучала — или еще прозвучит — по Московскому радио Озеров закончил словами: «Надеюсь, что мне еще не раз придется брать у вас интервью в Чили о новых победах на первенстве мира по футболу».

К этим словам хочется присоединиться.

Олег ИГНАТЬЕВ

АРИКА, 8 июня

О «личном вкусе» и объективности

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

интонация квалифицируются как недозволенное «балагурство» и «шутливая бойкость». Даже в «цельнометаллическом пружинистом вагоне», где происходит наше первое знакомство с героиней, И. Роднянской чудится предвестник традиционного счастливого конца... И в результате — безоговорочное выведение тонкой, умной, жизненной повести Б. Бедного за пределы «строгого» искусства, зачисление ее по ведомству пустоватой беллетристики.

Читаешь «вольные» строки И. Борисовой, С. Артамонова, И. Роднянской и думаешь: а не сродни ли подобная субъективность в обращении с живой тканью произведения, с замыслом автора тому самому догматизму в критике, который остался нам в наследство от периода культа личности и бороться с которым, как видно, не так просто — цепок, проклятый...

МОЖНО, пожалуй, считать в какой-то степени закономерным, что особенно щедро субъективные оценки рассыпаны в писательских мемуарах, — и жанр сам по себе такой, субъективный, да и вообще, наверное, сквозь призму годов и десятилетий очень многое предстает в ином, чаще всего более розовом свете... Верно обратил на это внимание И. Эренбург. Рассказывая в своих воспоминаниях «Люди, годы, жизнь», как на Женевской телестудии его заставляли гримироваться, он замечает: «Я сейчас подумал, что свет памяти столь же резок, как и свет телевизионных студий, и что, говоря в этой книге о некоторых людях, я невольно кладу слой краски, смягчающей слишком острые черты».

Что ж, это можно понять. Но признать нормой, возвести в принцип все-таки нельзя, — все равно, идет ли речь об «улучшении» или об «ухудшении» истории. В этом еще и еще раз убеждают некоторые страницы мемуаров самого И. Эренбурга.

Можно со всей убежденностью сказать, что мимо этой книги не пройдет читатель, серьезно интересующийся литературным процессом и искусством нашего столетия, а читатель молодой найдет в ней немало просто неизвестного ему, искусственно изъятого в свое время из литературного процесса. Многое здесь предстает перед нами в новом, неожиданном свете, наталкивает на раздумья. Несомненно, о мемуарах И. Эренбурга — сложном, противоречивом, интересном литературном и человеческом документе — еще будут писать подробно. В мои намерения это сейчас не входит, тем более что публикация мемуаров еще не закончена.

Конечно, И. Эренбург часто субъективен в своих воспоминаниях и характеристиках; с ним порой не соглашаешься, например, когда он слишком уж запальчиво отстаивает некоторые собственные книги; в других случаях, напротив, радуешься той истинно художнической субъективности, без которой не получились бы такие, скажем, своеобразные портреты, как портреты Брюсова и Бальмонта. Но бывает и так, что под смягчающим гримом, который мемуарист, по его признанию, накладывает на те или иные лица, у И. Эренбурга происходят досадные смещения в суждениях о фактах и явлениях, по поводу которых история уже успела сказать свое веское и верное слово.

Только два примера.

На страницах, посвященных Маяковскому, И. Эренбург подчеркивает, что говорит «не о поэзии, а о человеке». И хотя И. Эренбург признает, что Маяковский для него всегда «оставался близким и одновременно бесконечно далеким», что они «всегда думали и чувствовали по-разному», — черты внешнего облика поэта, какие-то характерные привычки (вспомним хотя бы мыльницу, которую Маяковский носил в кармане), отдельные особенности его человеческой индивидуальности схвачены в мемуарах интересно и метко. Но когда И. Эренбург выходит за рамки поставленной им перед самим собой задачи и начинает говорить о Маяковском-художнике, все становится, мне кажется, значительно сложнее.

Та субъективность, — ее заметил в своих воспоминаниях о Маяковском и сам автор, — которая в общем оправдана в обрисовке человеческого облика поэта, никак не может заменить необходимую объективность в подходе к сложным проблемам творчества поэта. И. Эренбург, как и многие советские литературоведы, решительно отвергает буржуазную басню о «конфликте» Маяковского с революцией. Но в мемуарах есть попытка построить свою теорию о том, что жизнь Маяковского якобы «разбилась о поэзию», что его крепко держали в плену лефовские схемы. Но ведь это, попросту говоря, противоречит фактам истории литературы, фактам творческой биографии Маяковского, как известно, решительно преодолевшего лефовское отношение к искусству.

И еще один пример — портрет поэта Максимилиана Волошина. Имя это широкому читателю, особенно молодому, не говорит сегодня почти ничего: творчество Волошина, далеко не самого значительного поэта-декадента, не оставило заметного следа в русской поэзии. Это совсем не означает, что его следует вычеркнуть из истории литературы. И объективный взгляд на эту забытую фигуру, брошенный таким большим знатоком русской поэзии, как И. Эренбург, был бы, несомненно, полезен. К сожалению, получилось иначе. То ли слишком уж увлеченный своей идеей — «оживить несколько окаменелостей былого», то ли как бы «подобревший» под влиянием воспоминаний о давно минувшем, мемуарист пишет о Волошине так, что роль его не столько в литературе (об этом И. Эренбург говорит сдержанно), сколько в событиях тех лет оказывается охарактеризованной не очень точно. Мы узнаем, что поэт «не прославлял революцию и не проклинал ее»,— и вспоминаем некоторые произведения Волошина тех лет, говорящие о том, что революцию поэт встретил с испугом и неприязнью. Мы читаем, что Волошин «в годы испытаний оказался умнее, зрелее, да и человечнее многих своих сверстников-писателей», — и недоумеваем: можно ли всерьез говорить о «зрелости» художника, который так и не понял грандиозного смысла того, что происходило вокруг него? Чувство личной симпатии, которое мемуарист питает к поэту, здесь явно не способствовало точности и объективности характеристик...

Могут сказать: И. Эренбург ведь пишет не историю, и даже не историю литературы. Но ведь сами мемуары — частица истории, одна из страничек великой летописи нашей литературы. Вот почему и от этого «субъективного» жанра каждый читатель вправе ожидать объективного отражения существенных сторон литературного развития...

ДА, РАЗМЫШЛЯЯ о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем днях нашей литературы, мы не можем уподобляться тишайшему Молчалину, убежденному, что ему «не должно сметь свое суждение иметь». Должно, очень даже должно!

Не стоит, однако, и повторять ошибку излишне самоуверенного Фамусова, который — помните? — считал, что «у вдове, у докторше» роды должны произойти не по законам природы, а по его, Фамусова, «расчету»... Ведь литература все-таки развивается не по чьим-то «законам» и «суждениям», а по своим объективным законам, по законам действительности. И, право же, это только иллюзия, будто между субъективизмом в суждениях о литературе и догматизмом, которому мы обязаны появлением на свет «критических Молчалиных», — непроходимая пропасть. На самом деле, корень у них один — слабая связь с духовной жизнью народа.

Главный редактор В. А. КОСОЛАПОВ.
Редакционная коллегия: Ю. Я БАРАБАШ (зам. главного редактора), В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, О. Н. ПРУДКОВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, Ю. И. СУРОВЦЕВ, А. С. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.
Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат—К 4 04 62, отделы: русской литературы—В 8 99 33, искусств — В 1-11 69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4 06 05, международной жизни — К 4 03 48, зарубежной литературы и искусства—К 4 84 28, информации—К 4 08 69, писем—В 1-15-23, издательство—К 4 11-68, Коммутатор—К 5 00 00.
Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.
Б—03410